

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Между прочим. Максим Горький

[1]

Года два-три тому назад в "Северном вестнике", - журнале, где теперь засел и во всю мочь свищет малюсенький Соловей-разбойник господин Волинский, - была помещена статья В.Соловьёва - "Гроза с востока"

Это была хорошая статья, хотя в ней не было ровно ничего приятного для нас.

В ней очень доказательно говорилось о том, что со степей Гоби на Россию летит песок и понемножку сокращает у нас количество пахотной земли.

Что он ложится широкой полосой и на волжские степи и в землях Войска Донского и проникает даже до Киевской губернии. И что если мы своевременно не обратимся к лесным заградениям, так нас, пожалуй, и совсем засыплет.

Статья возбудила толки и вызвала возражения.

Толки и возражения целиком свелись к мудрым русским изречениям:

- Улита-то вдет, когда-то что будет!

И:

- Бог не выдаст, - свинья не съест.

Затем мы позабыли о "Грозе с востока".

Недавно мы сообщили о песчаных заносах в Новоузенском уезде, где засыпано 6035 десятин 1276 сажень, и о том, что новоузенское уездное земское собрание хочет просить министерство земледелия рассадить по песчаным заносам деревья...

Видите? Два-три года тому назад мы хотели заградить деревьями движение к нам песка - ныне уже просим рассадить их на песке.

Пришёл песок-то, значит. Присыпался - и уже мешает жить.

А мы всё ещё собираемся воевать с ним.

И мне думается, что, пока мы действительно соберёмся, засыплет нас песком, совсем, и с ушами засыплет.

И на том месте, где некогда жила-была страна, зовомая Россия, будет необозримая песчаная равнина - жёлтая, пустынная, знойная.

И будут по ней рыскать степные волки, тощие, с поджатыми хвостами и ликом схожие с самарскими горчишниками.

[2]

Вот вам маленький образец легкомысленных рассуждений по поводу одного из премудрых вопросов...

...Вечерами, когда, изнывая от тоски, я сижу в моей комнате и из всех щелей этой комнаты на меня смотрят тёмные глаза одиночества и меланхоличные тени летней ночи собираются за окнами и безмолвно заглядывают в стёкла их, невольно в душу мне закрадываются мысли на тему: "Не добро человеку быть единому" - и, минорно настроенный, я уйду в Струковский сад.

Там, по большой скотопогонной аллее и по аллее, смежной с ней, густой и медленной волной течёт самарская жизнь; клубы пыли вьются над ней, слышен запах цветов, тихий шелест листвы, что-то шепчущей закопченному самарянами небу, слышен смех, слышен говор, и господин Мраз старательно производит большой музыкальный шум, исполняя творения европейских композиторов на зулусский лад.

Там я, холостой человек, Иегудиил Хламида, будущая жертва пенатов (родной дом, домашний очаг. У древних римлян боги – хранители и покровители домашнего очага, а затем и всего римского народа. Каждая семья имела обычно двух пенатов, их изображения помещались около очага – Ред.), сажусь в укромный уголок и из него рассматриваю прекрасных самарянок и прислушиваюсь к музыке речей их, и я смотрю на них с восхищением вплоть до той поры, пока не вспомню, что, быть может, скоро уж одна из них наречёт меня своим мужем, – и тогда предчувствие сей опасности охлаждает пыл моего восхищения.

Я смотрю на них, – а они дефилируют мимо меня все в бантиках, кантиках и прочих сантиментиках, в аромате духов и в пыли и щебечут, как те грациозные серые птички, которых в деревнях несправедливо и немзыкально именуют "трясогузками".

Я смотрю на них и распределяю их на две основные категории: барышни полненькие и барышни худенькие; я знаю, что полненькие барышни – пустынькие, а худенькие – полны бактериями нервных и иных болезней, полны истерических капризов, и хотя всё это пока ещё в потенции, но я знаю, всё это будет актуально через неделю после свадьбы.

Я смотрю на них и думаю: "Вот существа, большинство которых со временем превратится в женщин и матерей, войдёт в активную жизнь и будет воспитывать из детей своих мужей, твёрдых духом, и граждан – благородных, бескорыстных слуг отечеству".

И я смотрю на модно причёсанные головки барышень полненьких, смотрю и думаю – где именно в их чертах помещена природой та частица мозга, которая должна выработать ясное представление о гражданских обязанностях матери и представление о том, какие именно люди нужны отечеству, и о том, что такое отечество.

И я сомневаюсь в том, что полненькие барышни имеют под причёсками какое-либо иное представление об отечестве, кроме того, которое во время 'оно извлечено ими в пот лица из тощих учебников по истории и географии, и я никак не могу представить себе, что полненькие барышни способны сознательно заглядывать в будущее и точно представлять себе те задачи и ответственность, которые ждут их впереди.

И я испытую взглядом направление мысли у барышень худеньких, отчаянно стреляющих глазками семо и овамо, я смотрю на них и вижу: свирепо перетянувшиеся корсетами, воспитанные как бы только на фиалках и лунном свете, анемичны и тощи они, и мне думается, что, когда у них будет по паре детей, к тому времени они приобретут по дюжине болезней тела и души...

И глухая скорбь сосёт мне сердце, ибо я не вижу в барышнях – будущих матерей, достойных этого имени.

...И тогда много тревожных и мрачных дум возникает в уме моём.

С какими душевными ресурсами и с каким моральным фондом примутся эти барышни за построение семьи, которая должна быть школой, имеющей воспитать в их будущих детях любовь к родине, стремление к подвигу во имя её, благородство духа, понятие о чести и о справедливости и многое другое, что в конце концов человеку всё-таки необходимо воспитать в себе, дабы тем оправдать узурпаторски присвоенное им право на звание высшего животного.

Есть ли у них представление о важной ответственности, которая ждёт их, матерей, в будущем, понимают ли они, что им придётся созидать будущего человека, имеют ли они представление о том, что нужно делать для того, чтоб дети не были точными копиями своих слабосильных и нежизнеспособных родителей, людей, устроивших себе такую бесцветную, скучную и нищую духом жизнь, как жизнь современная?

Что, наконец, кроме тела, принесут они мужу, чем, кроме поцелуев и объятий, могут облегчить его жизнь, что новое и не изведенное им внесут они с собой в сферу его духовной жизни, – если предположить, что у современного мужчины стремление к духовной жизни есть, а не иссякло уже под гнётом будничной жизни и её омертвляющих душу мелочей?

Что может принести с собой современная женщина современному мужчине, вступая с

ним в союз?

...Я поднял вопросы старые, избитые в пыль, размолотые жерновами российского красноречия, – но всё-таки не разрешённые по существу.

"Жизнь есть труд", – говорит Тургенев; это "глупо, как факт", – говорит Бальзак, но это факт – жизнь есть труд.

Она требует серьёзного отношения к себе, и всякое легкомыслие терпимо ею только до времени, но время придёт и принесёт с собой жестокое наказание тем, которые относились к жизни невнимательно или легко, холодно или недостаточно активно... она поставит в счёт каждый ваш ложный и неосмотрительный шаг, и когда вы будете подводить итоги ей, в конечном может получиться роковой и ядовитый вопрос – зачем мы жили?

Мы живём в странное время оскудения энергии, в равнодушные, скептически тусклые дни, и на нашей обязанности лежит исправить это, расцветить жизнь желаниями, оживить её поступками, облагородить мыслью и всячески сделать её более разумной, живой и разнообразной; мы ничего не делаем в этом направлении, прикрываясь от укоров совести, как щитом, нашим ампула маленьких, шаблонных, дюжинных людей.

О женщины, что сделать вы б могли

Для родины, когда бы вы хотели!

– вздыхает Леопарди в одном из своих жгучих и мрачных сонетов и через несколько строк с тоской спрашивает от лица мужчин:

Но что вы в нас будили в наши дни?

А дальше спрашивает себя:

... Кто виноват в беде земли родной?

Скажите мне, о женщины, не вы ли?

Он был итальянец, этот Джакомо Леопарди, и его стихотворение адресовано итальянкам...

Я считаю нужным заявить об этом для того, чтобы облегчить русским женщинам возможность не признавать за его вопросами ни смысла, ни значения, чем они, наверное, и воспользуются.

[3]

Ампула фельетониста – очень нелёгкое ампула, скажу я вам.

Садись за стол и берёшь перо в руку с намерением отметить движение общественной жизни, совершившееся за истёкший день.

Оказывается, что жизнь за истёкший день, как и за все ранее его истёкшие дни года, никуда не подвинулась.

То есть в ней есть движение, но это только потому, что она разлагается...

Видишь это и думаешь:

"Весьма печально, но вполне естественно".

Переходишь к проявлениям обывателями своих чувств и своей морали.

На этом пути – лежит красный камень преткновения, а вокруг него произрастают разные другие колючие тернии.

Дойти сквозь них до публики ясным и точным фельетонисту удаётся редко, и большинство обывателей хотя и ведёт [себя] зазорно и достойно осмеяния, но...

И даже "но" не только с запятой, а и со знаком восклицания – "но!".

Приходится искать "линии наименьшего сопротивления" своему желанию сказать правду, и таковые находишь в лице людей, которым решительно всё равно, обличают их в газете или нет.

Ибо они грамоты не знают и по сей причине газет не читают, в чём им – в скобках говоря – нельзя не позавидовать...

Сегодня, например, у меня нет иной темы, кроме оскорбления городского весёлой и буйной женщиной Большаковой и господином Б.

Но и на эту тему я не могу ничего сказать, ибо не знаю, как именно сии субъекты оскорбили городского.

Я могу сказать одно: оскорблять городского – о, госпожа Большакова и господин Б. – очень нехорошо, ибо городской тоже человек.

Могу сказать о предупредительном жулике, который, украв часы 20 августа, заявил хозяйке часов, что он придёт к ней ещё воровать уже только 6 сентября, и никак не раньше.

Раньше ему некогда.

Могу написать мораль и для жулика.

О, жулик! Ты глуп. Так, как ворует ты, никто не ворует. Никогда, жулик, не надо предупреждать о дне, в который ты будешь красть, того, у кого ты будешь красть. Это не принято.

Но, милостивые государи и государыни, я знаю, что всё это скучно и что есть люди и жулики, более нуждающиеся в морали и обличении, чем те, которые приведены мною выше.

Я знаю, что есть очень много людей, коих необходимо ежедневно публично и печатно сечь, – но!..

"Но", милостивые государи! И его никак не обойдёшь.

В моменты решительное чувство самосохранения и трусов перерождает в бесшабашных храбрецов.

Это доказано ещё раз самарскими обывателями, проявившими способность к коллективизму после того, как [их] обгрызли собаки.

Опасаясь, что самарские собаки пожрут самарских жителей, последние обратились к полиции, прося у неё защиты от собак.

И не просто обратились, а обратились коллективно.

Пришли и сказали:

– Заступитесь за нас у собак. Уже близко время, когда они перегрызут всех нас. Пожалуйста, заступитесь. А ежели не сделаете этого, то мы сами станем стрелять по собакам из огнестрельного оружия!

Вон оно куда пошло!

Смотрите-ка, сколько в этой речи храбрости и смелости.

Даже есть некоторый намёк как бы на сознание обывателем своих прав.

И всё это, я уверен, плоды коллективизма, который вызван к жизни собаками.

[4]

Если вы на улице встретите интенсивно чумазого мальчика с кипой печатной или чистой бумаги в его руках или на его голове, вы можете безошибочно сказать:

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Вот идёт мальчик из типографии!

Мальчик из типографии - совсем особенный мальчик.

Во-первых, он желтоватого цвета - потому что отравлен свинцовой пылью.

Во-вторых, он очень сонного вида - потому что много работает и мало спит.

В-третьих, у него непременно где-нибудь на физиономии, на руке, на шее есть болячка, - это его задело машиной и рану растравил свинец...

Жизнь мальчика из типографии вдвое тяжелее жизни всякого иного мастерового мальчика, ибо он имеет дело со свинцом.

А свинец очень тяжёлый металл, как известно.

Но я не решусь сказать, что тяжелее - свинец или рука типографщика Грана?

Я видел щёку мальчика, на которую упала рука господина Грана.

Щека этого мальчика из типографии господина Грана свидетельствовала, что у господина типографщика претяжёлая длань.

Щека была и синя, и багрова, и разбита в кровь, - и всё это только с одного удара, как объяснил мальчик.

Господин Гран положительно хорошо дерётся...

Жаль только, что для опытов бокса он избирает щёки своих мальчиков, а не свои собственные щёки.

Я бы рекомендовал господину Грану последнее - это более безопасно.

А то мальчики, которых он так усердно лупит по щекам, недовольны таким обращением с ними и могут причинить господину Грану некоторое беспокойство, попросив его к судье для того, чтобы последний объяснил ему, что мальчики, которых бьют по щекам, не могут не чувствовать от этого боли.

Лучше бы господину Грану упражняться в боксе на своих собственных щеках.

Поставить против своей фигуры зеркало и колотить себя, глядя на своё отражение.

А в случае, если господин Гран утомился бы от такого занятия, можно рекомендовать ему пригласить дворника.

Давши сему последнему на чай, - можно получить от него весьма поучительный урок бокса.

Но необходимо дать на чай, ибо дворник, как бы он ни был груб, не станет бить человека даром.

Я могу рассказать, при каких обстоятельствах господин Гран расколотил щёку своего мальчика.

Суть дела в щётке и в кухарке.

Прежде всего щётка.

Есть щётка для кухни и щётка для типографии.

Щёткой из кухни строго воспрещается мести пол типографии и наоборот.

Затем есть кухарка.

Здесь во сто тысяч первый раз подтверждается справедливость французской поговорки:

"Cherchez la femme" (ищите женщину - Ред.)

Кухарка берёт щётку типографии и хочет мести ею пол кухни.

Мальчик из типографии видит в этом явное нарушение распоряжений хозяина, возмущается непочтением к ним со стороны кухарки и щётку ей не даёт.

– Не приказано! У тебя есть своя щётка!

А кухарка идёт к господину Грану и...

Я не знаю уж, что у них там было.

Но только господин Гран выскочил в типографию, наскочил на мальчика и залепил ему полновесную оплеуху.

От этого щека мальчика страшно вспухла.

Вот и вся история.

[5]

В четверг, на гулянье общества книгопечатников в Струковском саду, было не особенно много "настоящей публики", но зато в нём присутствовало много оригинальных, шумных и весёлых, чумазых и оборванных маленьких людей, придававших устроенному симпатичным обществом вечеру милейший, задушевный характер.

Это были мальчики из типографий, воспитанники печатного станка, незаметные труженики слова, весёлые искры которых со временем, может быть, разгорятся в большие огни...

"Настоящая публика" не понимала значения чумазых мальчиков и их права на веселье, и часто субъекты из "настоящей публики" покрикивали на мальчиков:

– Ты! Вы, пострелята!

Но пострелят это не смущало, и они задорно, как ерши в садке, снуют между "настоящей публикой".

Играл оркестр господина Моттл, и мальчики кричали ему "браво" и хлопали в ладоши, похваливая маленького барабанщика и солиста на корнет-а-пистоне за то, что оба они так "ловко задувают".

Пиротехник Буров угостил мальчиков фейерверком и удостоился их благосклонного одобрения, чего едва ли дождутся от них те, что заставляют их работать над набором фейерверков слов и фраз.

Затем мальчикам показывали те орудия, которые их истязуют, и машины, сокращающие век мальчиков и здоровье их.

Показывали верстатку и наборную кассу, линейки и рамы и всё другое, с чем ежедневно имеют дело чумазые мальчики.

Они стояли густой толпой пред экраном и кричали, видя всё это:

– Знаем!

Потом им показали Гутенберга.

Мальчики встретили его изображение молча, хотя им сказали, что это именно он изобрёл печатный станок.

Но пока печатный станок ещё только усложнил жизнь мальчиков и не дал им почти ничего хорошего, – они молчали.

Вслед за Гутенбергом они увидели Фонвизина в мундире и с нахмуренными бровями.

Его тоже встретили молча, и только один мальчик заметил:

- Полицейский будто.

Шекспир, гладко причёсанный, с красным носом и с румяными щеками, не произвёл никакого впечатления на мальчиков, но "настоящая публика" заявила, что знакома с ним.

- Это Камознс! - предупредительно сообщил кавалер в пенснэ даме в богатой тальме (плащ-накидка без рукавов. По имени французского актёра Ф.Тальмы, который изобрёл много предметов одежды, названных его именем Ред.)

- Ах, какой здоровый! - сказала дама.

- Это английский генерал Шекспир, победивший Наполеона! - рассказывал человек типа отставных военных, стоявший сзади меня, своему товарищу юноше.

- А говорят, это писатель? - зевая, спросил юноша.

- Врут! - отрезал его собеседник.

За Шекспиром вскоре появился бедняга Третьяковский, и на экране вызвавший смех над собой.

Григорович с лицом дипломата появился и исчез, не возбудив никаких толков в публике, кроме чьего-то замечания: "Скобелев в штатском платье".

- Гоголь!

- Знаем! - раздались два-три звонких голоса, прозвучавшие самодовольно и весело.

И мне стало весело...

А трое из "настоящей публики" расхохотались над Гоголем, находя, что у него смешной нос и допотопный костюм.

Впрочем, какая-то барышня нашла его "очень миленьким".

- Писатель Тургенев!

- Знаем! - врассыпную вскричало несколько детских голосов.

С экрана смотрело не публику и мальчиков умное и доброе старческое лицо с задумчивыми глазами, - смотрела и публика на него.

Смотрела и молчала.

Что она могла бы сказать?

И старый поэт, дрогнув, исчез.

И за всеми этими людьми на экране появилось изображение человека, которого я не знаю.

Я несколько испугался, увидав этот портрет.

Он напомнил мне издателя одной газеты, именуемой "Волгарь" и представляющей из себя водянистый волдырь на физиономии поволжской прессы.

Оказалось, что это пиротехник Буров, "мастер фейерверков".

Тут я понял, почему мой знакомый издатель похож на пиротехника, - он чисто пишет в своей газете передовые статьи.

Мальчики смеялись над господином Буровым, видя его рядом с Нестором, Гутенбергом, Шекспиром и другими великими мира сего.

Мальчики были довольны вечером.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Общество книгопечатников, устроив своё гулянье, поступило прекрасно уже по одному тому, что сумело развлечь чумазых крошек – слуг печатного станка.

Я выражаю скромную надежду, что это симпатичное общество и впредь не обойдёт своим вниманием и заботой тружеников-детей.

Общество могло бы, например, показать мальчикам посредством туманных картин и объяснительных чтений, что сделало для человечества печатное слово, которому они служат пока механически и, может быть, будут служить – кто знает как?!

И затем от души желаю обществу всякого преуспевания, а его членам солидарности, уважения друг к другу, солидарности, ясного понимания преследуемых целей и точного представления о путях к достижению их...

И снова и ещё – солидарности.

[6]

...Центром общего внимания ярмарочной публики служат балаганы, вполне удовлетворяющие вкусы, о необходимости развития которых так много говорят...

Пред одним из балаганов ошалелый от водки, которой он "греется", и охрипший от зазывания зрителей к себе в "миниатюрный цирк" субъект, в красном трико, засовывает себе в разинутую пасть голову удава, обвивающего ему шею, и благим матом орёт:

– Видите?! Смотрите!

Змея, окоченевшая от холода, еле движется на его плечах...

– Это что! – скептически говорит парень, с ног до головы выпачканный в муке. – Нет, кабы к твоей-то шее наш Иван Митрич присосался – ты бы узнал, каков он есть, настоящий-то удав...

– Н-да! – вторит ему товарищ...

– Тот поживее ворочается... Тот не токмо что свою голову в чужой рот совать, – он сам живьём людей глотает...

И, довольные своей аналогией, зрители отходят...

[7]

Учебный сезон начался, а около трёхсот мальчиков остались с желанием учиться, но, по недостатку места в городских школах, должны получить домашнее воспитание.

Поздравляю Самару – она в скором времени будет иметь ещё целую роту горчишников. Совершенно свежих, ещё не бывших в "делах" полиции и не совершавших разных диких "актов" – роту молодых паренёв, обалделых от скуки и пустоты жизни и развлекающихся творением диких выходов против мирных обывателей.

Обыватели будут жаловаться и негодовать, новоиспечённые буяны и озорники не будут обращать на обывательские вопли никакого внимания, а мудрые люди, основываясь на подвигах горчишников, – будут трактовать о порче нравов и о том, что в доброе старое время буянов и озорников "драли" и "лупили", – отчего и нравы были строже и жилось проще и так далее, и прочее, и тому подобное.

Полиции, которой у нас мало, будет ещё больше дела.

Придёт время, и в городской думе появятся доклады и проекты лучших и удобнейших средств искоренения горчишников...

Сей гласный предложит переловить их и сослать на пожизненное проживание куда-нибудь в дикие страны.

Оный порекомендует отдать их поголовно в солдаты.

А там, глядишь, начитавшись "Света", "Сына отечества" и других специально и

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru специфически патриотических печатных бумажек, – предложит образовать из горчишников вольный кадр и послать их на завоевание Китая.

О мальчиках, не нашедших себе мест в городских школах, я имел суждение с одним из папаш города.

– Как же теперь мальчики эти? Куда их? – спросил я.

А он глубокомысленно высморкался и бессмысленно изрёк:

– Куда? Это вопрос, стоящий вне компетенции городского самоуправления... У каждого порядочного мальчика, предполагается, есть папаша и мамаша. Сии субъекты и должны ответить на ваш вопрос... Н-да... Они мальчиков народили? Мы их об этом не просили? Так? Ну и... извольте управляться своими средствами...

– Но однако предполагается, что орган самоуправления обязан, до некоторой степени, способствовать развитию грамотности среди...

– Это, положим, есть, но в этом нет солидных оснований. Наука ещё пока не установила точно и незыблемо необходимость и пользу грамоты. Есть даже мудрые мужи, относящиеся к грамоте явно отрицательно. Например, князь Мещерский... со слов сотрудников его "Гражданина" и "Руси". Прислушайтесь-ка к ним! Можно придти к убеждению, что именно грамота и есть главнейшая причина всевозможных непорядков жизни.

– Помилуйте! – говорю я, сконфуженный.

– Нет, это вы нас помилуйте! Вы не соразмеряете ваших требований с наличностью средств удовлетворения. Ведь городская-то касса пуста? Долгу у города по маковку? А мостовые вам дай? Даём, извольте. Посмотрите-ка: какую мы грязищу на Дворянской улице устроили! Думаете, это дешёво стоит? Да вы сообразите – ведь мы люди... и мало этого – люди без денег! А вы пристаёте собак вам перебей, ребят грамоте научи, съезды к Волге устрой, там подмети, здесь почисти, и что же? Расколоться нам на тысячу кусков прикажете? А квартирного налога не желаете?... Нет, вы вот позвольте-ка нам налоги сочинить – налог на квартиры, на право женитьбы, на право деторождения, на право прогулок за город, на право езды по мостовым на колёсах и полозьях... и ещё там разные налоги... Вот дайте нам их устроить... а мы вам сейчас же за это настроим школ и прочее, что вам там нужно. А это непорядок: того подай, это устрой, а на какие средства, смею вас спросить? Да у города одних непредвиденных расходов тьма-тьмушья! Того напой, этого угости, там гора идёт в реку, здесь земля сквозь землю проваливается; инде – река в Симбирскую губернию уезжает... Школы! Грамота! Да будьте же справедливы, дяденька!

Быть справедливым?

Иногда и это человеку удаётся.

А двести восемьдесят мальчиков тем не менее лишены возможности учиться.

И дальнейшая судьба их не может не беспокоить того, кто смотрит на них как на будущих людей и, может быть, ценных граждан.

Быть может, среди них есть таланты.

И уж, наверное... Иван Китаев, десятилетний человек, прибывший в Самару из Баку по этапу в арестантской одежде и в компании взрослых воров и разных "потерянных людей" – мальчик Китаев, бежавший из полиции 11 сентября, – при других условиях тратил бы свою сметливость и бойкость на нечто другое, чем побеги из полиции и бродяжничество...

Подумайте, мальчик десяти лет – уже бродяга, путешествует по этапам и обучается арестантской премудрости...

Что же из него будет?

Трудно надеяться на хорошее...

Между прочим. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
Двести восемьдесят мальчиков, не принятых в самарские школы, – уже, наверное, выделяют из себя не одного Китаева.

Домашнее воспитание будет ему сильно способствовать.

Да и чем оно, это домашнее воспитание, лучше того, которое приобретается в тюрьмах у Преступников и бродяг?

Много в нём поучительного – это так, но как мало в этом поучительном умного, чистого, честного!

Слишком много гибнет мальчиков, ибо слишком мало уделяют им внимания.

[8]

Это было очень странное зрелище.

На Дворянской улице ехала телега, нагруженная кипами казённого вида бумаг. Её конвоировали двое полицейских и приблизительно дюжина каких-то вполне приличных господ...

Конвоиры шли молча, важно и сосредоточенно опустив на грудь головы, и на лицах их застыло выражение непоколебимой решимости.

Полицейские трусцой следовали по бокам телеги, а на высокой кипе её груза мрачно восседал возница, суровый, как Харон.

Из окон зданий смотрели на процессию физиономии разных людей, и слышно и видно было, как люди сии скрежетали зубами.

Я смотрел на всё это и в недоумении думал:

"Что сей сон значит? Что везут? И куда везут? Не есть ли господа, провожающие телегу, последователи того грибоедовского персонажа, который некогда рекомендовал собрать и сжечь все книги? Или же это везут думские доклады, сданные лет двадцать тому назад в разные комиссии, но, по недосугу, до сего дня не рассмотренные и ныне предназначенные к потоплению в Волге? Или же это прозаические и стихотворные труды местных авторов, везомые оными на Троицкий базар для продажи с пуда?"

Но все мои предположения (я чувствовал) были неверны, ибо они не объясняли зубовного скрежета домовладельцев Дворянской улицы.

Тогда, движимый любопытством, я решил спросить у людей, следовавших за телегой, – кто они суть?

И я спросил. Они в один голос возвестили мне:

– Мы суть участковые надзиратели! В нашем ведении находится Дворянская улица!

– Что же и куда везёте вы, милостивые государи?

– Мы везём полицейские акты о несоблюдении домовладельцами сей, первой в городе, улицы обязательных постановлений думы о переустройстве тротуаров... Мы долго ждали исполнения домовладельцами постановления думы, но не дождались. И вот мы составили сии акты и ныне везём их к городскому судье, дабы сей последний судил и штрафовал людей, не внимающих думе. Шестьдесят актов составили мы на жрецов Меркурия – бога торговли, – и вы слышите скрежет зубовный домовладельцев?

Я слышал его, видел злые взоры, бросаемые из окон домов на улицу, и, вздохнув, ушёл домой.

Бедные шестьдесят богачей!

Что-то предпримут они теперь?

Я рекомендовал бы вот что: подать в думу коллективное прошение о восстановлении срока, данного ею на устройство тротуаров.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Написать на хорошей бумаге этукую слезницу в самом жалобном и к послаблению порокам располагающем стиле и подать оную вопилицу в думу.

В думе сейчас же отыщутся родные человечки: они погуторят, посочувствуют и срок восстановят на полгода, положим.

Тогда шестьдесят домовладельцев пусть снова ждут истечения данного им срока...

И когда он истечёт – то снова пусть сочинят новую вопилицу и просят о восстановлении.

Дума даст ещё срок.

И так далее...

Только боги бессмертны. И в один из сроков господа домовладельцы помрут.

Не все сразу, конечно, но обязательно помрут.

А тротуары останутся существовать, всё более и более представляя из себя в миниатюре кавказские горы.

А шестьдесят домохозяев сэкономят по два-три десятка рублей и докажут, что они имеют гибкий ум и твёрдую волю...

А обыватель, за невозможностью ходить по тротуарам без риска свернуть себе шею, – будет ездить на конке и на извозчиках.

Отсюда истечёт польза, и даже – две.

Во-первых – увеличатся доходы конки.

Во-вторых – это поддержит убиваемый конкою извозный промысел.

И не только поддержит, но даже может развить его. Чем хуже будут тротуары – тем больше обыватель будет ездить...

Развитие извозного промысла увеличит доходы города.

А когда это произойдёт – то дума подумает:

"А ведь это мне шестьдесят домовладельцев с Дворянской улицы доход-то создали! Ах, милые мои, дай-кось я вам за это маленький презент сделаю!"

И тогда она устроит вдоль по всей Дворянской улице тротуары за свой счёт.

Ловко?! Я уверен, что шестьдесят бедных домовладельцев Дворянской улицы обратят своё внимание на мой простой проект вечных уклонений от исполнения обязательных постановлений.

[9]

У городских судей наступило страдное время. Почти ежедневно к ним являются толпы крестьян и слёзно жалуются.

– Сделайте божескую милость, ваше благородие, рассудите!

– В чём дело?

– Было у нас сорок три воза пшеницы, и в кажинном возу по двадцать четыре пуда. Привезли, запродали – всё хорошо. Стали сыпать, хватить – ан в каждом возу по четыре пуда убыло... По двадцать сыпали... Разор, ваше благородие!

– Неверно взвесили, значит?!

– Истинно так – по-грабительски взвесил!

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Зачем же это вы?

- Да али это мы, ваше благородие! Мы - вот вам крест! - фунт в фунт, по двадцать четыре пуда в телегу насыпали - и каждый ещё мерку на утечку накидывал... А ссыпать стали - по четыре пуда с телеги и просыпалось.

- Это уж у купца весы так устроены... Подавайте прошение!

Мужики чешут затылки и отправляются по кабакам искать себе "ходателя".

Когда-то он будет найден, нужно его напоить, дать ему за работу, купить марок и так далее, - каторжным трудом добытые гроши так и текут из тощих карманов.

Главный расход - это харч.

Сорок три лошади и человек двадцать пять людей живут три-четыре дня, а иногда и больше, в городе, и каждый день стоит им около пятидесяти копеек.

Таким образом, выходит нечто прямо-таки грабительское.

Из воза пшеницы, положим, пуда с два утянет купец да пуда по четыре на каждый воз сложится взыскание с купца этих двух пудов...

И это ещё хороший конец дела.

А бывают случаи, когда четверть и даже половина всего привезённого товара идут на то, чтобы получить деньги за другую половину, ссыпанную в амбар купца.

Вот, для примера, очень характерное "сезонное" крестьянское дело, начатое у одного из городских судей.

Крестьяне Гусев и Платошин привезли 151 подводу льняного семени, весом 2281 пуд, и запродали его местному купцу Николаю Шашкову по 14 копеек за пуд.

Ссыпали.

А когда ссыпали - Шашков нашёл, что семя подмочено, и скинул по пятаку с пуда.

Хорошая скидочка - чуть-чуть не 40 процентов.

Крестьяне заплатили за сыпку рабочим, потеряли много время - не пересыпать же семя обратно из амбара в телеги.

Если бы они решились на это - Шашков взыскал бы с них полежаемое.

- Вы, дескать, своим товаром у меня место занимали. Я бы, может, другое что купил да на место вашего семя ссыпал! Несу убыток!

Тиски!

Крестьяне едут к судье и предъявляют иск.

Ищут недоанных за провоз 114 рублей, убытков на содержание 151 лошади и 44 рабочих - 61 рубль 50 копеек.

Дело назначено на 28 сентября.

Выиграют они его?

Трудно сказать! Купцы люди умные и весьма ловко "наблоснились" объегоривать крестьян!

Уж если человек решается действовать так нахально, как наши самарские толстосумы действуют на сыпке, - значит он, этот человек, в успехе своего начинания уверен и для благополучного исхода дела в свою пользу всё припас.

И вот вы сообразите...

Между прочим. Максим Горький gorkiy.ucoz.ru
Сколько потеряет от судьбища этот четырнадцатикопеечный товар?

А купец, догадливый и ловкий человек, возьмёт да попросит судью назначить экспертизу – осмотреть семя...

Семя осмотрят. Наверное, найдут, что оно не подмочено, – тогда купец постарается ещё чем-нибудь затянуть дело.

И даже если судья постановит взыскать с купца 175 рублей 50 копеек проторей и убытков, купец перенесёт дело во вторую инстанцию.

А сам в это время будет вести с мужичками такой разговор:

– Бросили бы вы, ребята, эту самую волокиту! Вам со мной не тягаться. Помните, с волком кобыла тягалась – хвост да грива осталась... Уступите по чести купцу. А то я вас всё равно измором возьму. Я сужусь с вами, ничего не теряю, а вы каждый день на худой конец рубля два! Товар ваш дешёвый, барыш ваш грошовый! Всё вы со мной просудите... Бросили бы лучше! Ась? Добра ведь желаю вам, ребята... Уступите пятак с пуда...

И он, добрый человек, добьётся своего так или иначе...

Он не возьмёт убытка сам, – даже и в том случае, если иск крестьян будет удовлетворён, купец вгонит их в убыток.

Как так?

А такова уж крестьянская участь и купецкая сметка!

[10]

Будем говорить о технике.

Сначала о той технике, задача которой сводится к тому, чтобы создать наилучший и в то же время наивыгоднейший двигатель, одинаково применимый ко всем родам механической деятельности.

Мне кажется, что "искание наилучшего двигателя" – дело совершенно химеричное и даже совсем "плёвое", как говорится, дело – и именно вот с какой стороны оно никуда не годится.

Зачем нужно выдумывать усовершенствованный двигатель и всячески ломать головы над усовершенствованием разных моторов и локомотивов с целью экономизации их энергии и требуемых ими вспомогательных средств: топлива, смазочных материалов и прочего такого?

Совершенно излишнее времяпровождение...

И те люди, что известны миру своим творчеством в области техники, суть, по моему мнению, отчаянные дон Кихоты, не больше...

Ибо всё, что придумывается с целью облегчить труд человека, не достигает этой цели, и едва ли достигнет, пока жив человек и нужда управляет им.

И потом, какая двигательная сила может быть более экономична, чем сила мальчиков, отдаваемых в ученье б е с п л а т н о ?

Бесплатные и беззащитные мальчики не требуют от своего хозяина дров и масла, ибо мальчиков, для того, чтобы они работали, не нужно ни накалывать огнём, ни смазывать маслом.

Они и без этого могут делать всё, что их заставит хозяин...

Ибо к нему их погнала непобедимая нужда.

Всё это прекрасно понимает господин Лебедев, хозяин местного чугунолитейного завода и бесконтрольный командир и властелин бесплатных мальчиков-учеников.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Господин Лебедев любит соблюдать экономию.

Это хорошее качество, если оно сдерживается чувством меры.

Но... зачем же нужно чувство меры для господина Лебедева в его стремлении к барышам, если он ничем не рискует, достигая их так, как ему это угодно и выгодно?

Он прекрасно знает, что за мальчиков вступитья некому и что мальчики суть самая выгодная двигающая сила...

Им не нужно платить, их не нужно топить, чистить, смазывать и вообще ухаживать за ними так, как того требуют металлические машины, которые хотя и ничего не чувствуют, но во многом нуждаются.

Мальчики же нуждаются только в ругани, в толчках, пинках, подзатыльниках, трёпках, выволочках и прочих дешёвых средствах.

Наградить всем этим мальчиков хозяину не только ничего не стоит, но даже доставляет ему удовольствие.

И мальчики на заводе господина Лебедева с этой стороны совершенно довольны и вполне, даже, можно сказать, с избытком, награждены всеми этими необходимыми атрибутами ремесленного обучения.

Но, знаете, с одним из мальчиков на заводе господина Лебедева произошла 24 сентября маленькая неприятность.

Его немножко изувечили...

Это было так.

На заводе господина Лебедева есть паровой или газовый двигатель, приводящий в движение токарные станки.

Недавно завод приобрёл новый станок, и хотя к нему ещё не был устроен привод от двигателя, тем не менее господин Лебедев распорядился, чтобы на новом станке точили какие-то колеса. Вертеть же станок заставили мальчиков.

Брань, лязг металла, ворчание обтачиваемой вещи и равномерно-машинальное раскачивание ручки колеса у станка загипнотизировали одного из мальчиков...

Он как-то неловко пошатнулся, и его ручонка попала в шестерню станка...

Треск костей, дробимых железом, слабый крик – и станок останавливается...

Из раздробленной кисти бесплатного мальчика фонтаном хлещет кровь, а он даже и кричать не в состоянии.

Его, конечно, уводят...

Работа продолжается в том же порядке до устройства привода или до нового увечья другому мальчику...

Деталь происшествия:

Мальчику так искусно раздробило палец, что на пол "посыпались косточки".

Очевидец происшествия именно так и выразился: "Посыпались косточки".

Сколько же сэкономил господин Лебедев, раздробив косточки мальчика?

И во сколько он их оценит?

Говорят, что дробление косточек весьма часто практикуется на заводе господина Лебедева, и говорят, что он вообще очень хладнокровно смотрит на такие пассажи...

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Раздробило косточки мальчику?

Ба! А он бы не зевал, так ему бы и не раздробило!..

Ну, а если раздробило, то я-то, Лебедев, при чём?

Мне, первым делом, нужно обточить на станке данную вещь, а если при этом неосторожный мальчик ухитряется изувечить себя, я, Лебедев, тут ни при чём.

Я не приказывал мальчику совать свои пальцы в шестерню!..

Так проста и ясна логика господина Лебедева и всех ему подобных господ, бесплатно обучающих и безнаказанно уродующих своих мальчиков...

Мальчик в их представлении - не велика штука.

И только...

По сей причине они свободно практикуют по отношению к мальчикам великие зверства, великую халатность и все прочие качества своих низких душ...

Хозяева широко применяют к бесплатным мальчикам знаменитую систему ремесленного воспитания - "воспитания от руки".

Всё это старо?

Я знаю...

Но ведь это случилось 24 сентября, наверное, произошло где-нибудь и 25-го, 26 число тоже вместило в себе дробление "косточек"...

И за все остальные числа каждого месяца я поручусь...

Всегда кости мальчиков дробят...

И как это ни старо, как ни привычно, это всё-таки возмутительно ввиду полной незащитности мальчиков...

[11]

Извиняюсь пред читателем - не могу продолжать вчерашней истории.

Не могу, ибо сегодня в моём ампула выступает новое лицо, которому я, человек, чуждый зависти, с удовольствием уступаю своё место.

Пусть его займёт публику...

Но, мне кажется, я сам должен представить его читателю.

Представляю, - мой заместитель - это хозяин местного чугунолитейного завода господин Лебедев.

Он написал опровержение через "ять" на мою заметку о порядках на его заводе.

Он недоволен мной главным образом за то, что я сопричислил его к сонму низких душ. И вот он прислал некоторую ядовитую вопилицу, в которой доказывает, что у него, напротив, душа весьма даже высокая.

Он мог бы сделать это проще и не портя так искусно русского языка, как он ухитрился испортить его в своём сочинении.

Ему, на мой взгляд, следовало уплатить мальчику за раздробленный палец рублей этак сто хоть, что ли, и сообщить об этом поступке редакции.

Я бы ему печатно сказал за это спасибо.

Но он предпочел доказать мне, что я солгал и что я пишу - неприлично.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

И вот – внимание!

И вот – как прилично и правдиво он опровергает меня.

И не просто опровергает, а через "ять".

Вот оно, его

"ОПРОВРЖЕНИЕ"

В номере 208 "Самарской газеты" в отделе "между прочим" автор этого хронического недуга, скрывавшийся под псевдонимом "Хламида", искажая несчастный факт повреждения токарным станком на моём механическом заводе пальца мальчику, позволил себе оскорбить меня бранными словами "низкая душа".

На брань "Хламиды" я, конечно, обратил бы внимание столько же, сколько обращает внимание лошадь, идущая с возом, на лай прыгающей перед нею выскочившей из подворотни дворняшки, но так как искажение факта и приписывание мне грубого обращения с мастерами и учениками возбуждает антагонизм между заводчиком и служащими, то на основании 3 п. 18 ст. закона о печати я прошу вас, господин редактор, настоящее опровержение поместить в редактируемой вами газете, в отделе "между прочим". Хламида говорит, что на моём механическом заводе мальчики награждаются: "пинками, руганью, подзатыльниками, трёпкой, выволочками". Всё это гнусная ложь, – результат воображения, болеющего от подзатыльников "пшавки", мозга. Надо заметить, что заводом я владею 10 лет, работает у меня до 200 человек и никогда (!) никто (!) из находивших на моём заводе средства к жизни, не жаловался на моё грубое с ними обращение. А ведь вести механическое дело, г. редактор, далеко мудрёнее, чем составлять "между прочим" из лакейского острословия и обстоятельств, при которых повреждён палец мальчику, переданных Синьором "Хламида" ложно. Мальчик этот не вертел маховика токарного станка, и если бы вертел, – в шестерню не попал бы (?). Он шалил шестернёю, несмотря на предостережение токаря, и сделался жертвою своей неосторожности (ах, уж эти шалуны бесплатные мальчики! Всегда они калечат себя ради собственного удовольствия – Прим. М.Г.) без вины кого бы то ни было, а моей в особенности, потому что ни один заводчик не может везде и во всякое время охранять от неосторожного обращения с машинами работающих на них. Кто никогда ничего не делает, а в печать проникает как болезнетворная бацилла в здоровый организм, тот не в состоянии понять, как велико злоупотребление печатным словом. Но вы, г. редактор, ближе, чем "Хламида", стоите к жизни, вы не могли не понимать, что оглашать факты можно, а извращать их, а тем паче сопровождать бранью, по малой мере не прилично.

Н. Лебедев.

Не правде ли, господин Лебедев и вполне приличный и очень остроумный мальчик?

У него есть стиль.

Но как мне ни жаль господина Лебедева, а одним стилем меня не опровергнет.

Ибо у меня есть факты.

Он не опроверг их заявлением, что на его заводе не задают мальчикам трёпок и выволочек.

Он только подтвердил, что палец мальчику действительно оторвали и раздробили. Я повторяю, раздробили именно тогда, когда мальчик вертел маховик.

И он не сказал ни слова о том, как и чем за это мальчику заплатили.

Он много меня поносит и немножко на меня доносит, крошечку, знаете, доносит.

Сравнив себя с лошадью, а меня с собакой, он полагал, что убил меня наповал.

Ах, это совершенно напрасно!

И это меня нимало не трогает. Я даже оттенил все сильные места его опровержения своим курсивом.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Мне чуть не каждый день приходится получать анонимные письма от обывателей и обывательниц, неосторожно задетых мною за живое, – и уверяю господина Лебедева, что господа анонимы обоего пола ругаются гораздо хлеще, чем он.

Так ругаются, что я – только удивляюсь образности их стиля и гибкости русского языка.

Но удивляясь, я думаю по адресу каждого ругателя-анонима:

"Ты сердисься, Юпитер, – значит, ты виноват!"

Вы сердитесь, великодушный господин Лебедев?

Очень жаль.

Вот я, надеюсь, успокоил ваше гневное сердце – поместил ваш буйный вопль во всей прелести его...

С соблюдением орфографии, не выкинув ни одного слова.

Будьте довольны – я имел право не делать этого.

И – до свидания.

До следующего раза, когда я несколько более подробно и основательно коснусь порядков прошлого и настоящего времени на вашем благоустроенном заводе.

[12]

В понедельник в камере городского судьи дан был комический спектакль с юмористической целью показать публике необязательность для домовладельцев обязательных постановлений думы.

В комедии участвовало шестьдесят именитых граждан города, не устроивших, вопреки постановлению думы, тротуаров около своих бедных хижин на Дворянской улице.

Сам господин судья в то же время один из "неисполнителей" и тоже подлежит суду другого судьи.

Положеньице!

Осудив шестьдесят купцов за халатность, он должен был и себя предать суду за то же качество...

Обвиняемые – всё люди солидные, с весом, бородатые и богатые...

Говорят сытыми басами, держатся корректно, улыбаются скептически.

Точно думают про себя:

"А интересно, как это нас судить будут за неисполнение постановления, которое мы сами же сотворили и издали? Хе, хе, хе! Чудно!"

Действительно чудно!

Большинство обвиняемых – гласные (выборные члены городских дум и земских собраний – Ред.), и некоторые из них авторы постановления.

Издали они его к сведению и руководству домохозяев – и сами же первые отринули свой закон, не исправив тротуаров в установленный ими срок.

И вот привлечены к ответственности за то, что пошли сами против себя.

Начинается суд.

– Господин Z! – вызывает судья.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Z выходит и заявляет:

- Это я. Но только я тут ни при чём.
- То есть как?
- А так... мне какое дело до тротуаров? Я не домохозяин, а квартирант...
- Так как же вы? Вот полиция составила акт на вас...
- А мне какое дело? Составила, так составила...
- Да вы, может быть, ошибаетесь, - домохозяин вы?...
- Желал бы этого!
- Как же теперь? - недоумевают судья.
- А не знаю. Спросите полицию.
- Гм! Ну... господин X!

Но господин X тоже пока ещё не домохозяин.

Господа Y, F, V и ещё несколько господ также оказываются привлечёнными "занапрасно".

Наконец, добираются до настоящих "нарушителей".

Они подходят к столу судьи и спокойно ждут своей участи, уверенные в своей правоте, чистоте и святости.

- Мы законы сочиняли, мы их и нарушаем... И никому, кроме нас, до всего этого дела нет...

Это написано на их почтенных, уверенных лицах.

- Господа! Вы обвиняетесь... - говорит судья.
- Знаем...
- Как же это вы?..
- Чего?
- Нарушили свои же постановления?
- А как нам их не нарушить-то было? Сказано - строй тротуары и чтобы все они были на один лад. Как так на один лад? Не понимаем!
- Да чего же тут не понимать?
- Высоты не понимаем. Низость нам понятна, в уровень с мостовой, например, а какая высота? Нужно, чтобы тротуар был выше мостовой? Так? А на сколько? На аршин? На сажень? Никто нам высоты не объяснил. Ну, мы и того, и ждали. Объяснят, мол... А вместо того полиция составила акты и вот причинила нам беспокойство... Это как будто бы и не порядок... За что беспокоить купцов? Мы народ сырой...
- Да вы бы спросили думу насчёт этой высоты?
- Для чего? Сама должна сказать. Мы строй, да мы же ещё и расспрашивай, как строить...
- Да ведь некоторые из вас сами гласные думы?
- Нук что ж?

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Наверное, кто ни то из вас имеет же представление о типе тротуара, установленном думой?

- Никакого типа нету...

- То есть как же нету?..

- А так же... Да вы, господин судья, сами-то почему не строили тротуара?

- Я? Гм? Я! Мне... тоже не известно, что требуется... Я тоже ни ширины, ни высоты не знаю...

- Ну вот, то-то же!

- А всё-таки что-то не так у нас выходит. Постановление есть, авторы его налицо, а тротуаров нет, и представления о них тоже нет...

- А на нет и суда нет!

Суда и не было...

Ограничились разговором и благополучно разошлись по домам...

Только...

[13]

Как ни хороша погода, но веяние зимы на всём и всюду заметно...

Меховые магазины прихорашиваются, выставляя товар лицом.

Жёны заводят с мужьями тёплые разговоры о модном зимнем костюме.

Всё сжимается в предчувствии холодов.

И разные самарские тёплые ребята, пользуясь благоприятными для них, но роковыми для других условиями времени, тоже сжимаются.

Не только сами сжимаются, но и других жмут.

Так, например, местные владельцы вальцовых мельниц (машина для размола зерна (пшеницы, ржи и др. культур) в муку; используется также для измельчения соли и иных видов сыпучего сырья - Ред.), несмотря на то, что теперь самое бойкое время для их заведений, и не принимая в расчёт того, что они завалены работой, - убавили своим рабочим жалованье на трёшницу в месяц...

В сентябре платили 12 рублей, а теперь платят 9 рублей.

Расчёт верный.

В сентябре ещё навигация не закрывалась, и рабочий, чувствуя, что его жмут, мог уйти с мельницы и поехать искать "где лучше".

Теперь не уйдёт, шалишь!

Пароходов ходит мало, да и те, которые ходят, берут дорого.

Значит - хочешь не хочешь - работай со скидкой 25 процентов.

Рабочие, конечно, будут работать - ничего не поделаешь.

Осень, холодно...

На Татьянке, по летнему положению, теперь жить нельзя, и как-никак, нужно работать на купца. (река Татьяна - от слова "тать" - "вор". Протекает по территории г.Самары. - Ред.)

Купец это понимает.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

И, подождав, когда будет ещё холоднее, он ещё трёшну скинет.

Он не только просто хозяин, но и хозяин всего современного экономического положения.

И он, прекрасно понимая это, стремглав летит к своему идеалу, к такому положению вещей, при котором на его милость работали бы совсем даром.

Что ж? С богом!

Сведущие люди говорят, что его успехи подвигают к нему его гибель.

На днях редакция и контора "Самарской газеты" выдержала целый натиск хронически голодающих людей, – людей, чающих куска хлеба и ради него готовых всё делать и всюду ехать.

Это было прямо-таки нашествие.

Сначала являлись по одному.

Приходит человек, пытливо озирается и вождеющим тоном спрашивает:

– У вас было напечатано, что нанимают людей на сибирскую железную дорогу. Где остановился агент по приёму?

– В Харькове...

– Не знаю такой гостиницы. Где это она?

– Это не гостиница, а губернский город на юге.

– Так... Значит, это не в Самаре?

И лицо спрашивающего покрывается тенью разочарования.

– Ну, разумеется, не в Самаре, коли в Харькове...

– Н-да... А зачем же вы это печатали?

– Что?

– Да что принимают...

– Ну так что?

– Так, только людей мутите.

И он, несколько подавленный открытием, убившим его надежды, уходит.

За ним – другой:

– У вас было напечатано, что нанимают...

– Это в Харькове...

– В Харькове? Ишь... вам бы не печатать ин...

За ним ещё двое поют дуэтом:

– У вас было напечатано...

– Идите в Харьков, в Харьков.

– В Харьков?

– Да, да, и всем говорите, что нанимают не здесь.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Н-да... Прощайте...

Проходит пять минут без посетителей.

Но вот отворяется дверь, и снова звучит вожделеющий голос:

- У вас было...

- Харьков!

- ...напечатано...

- В Харьков! - орёте вы, потому что вам мешают.

Вы уже выпили два стакана холодной воды и приняли шестьдесят капель валерьянки.

Тем не менее вам хочется принять ещё и кали, дабы гарантировать себя от окончательного разрушения нервной системы.

- У вас... - раздаётся из-за двери.

Вы вырываете клочок волос у себя из головы и, скрежеща зубами, думаете, скоро ли посетят вас все самарцы, чающие мест?

- У в...

Вы приходите в холодное бешенство и внутренне предаёте себя анафеме за то, что позволили себе возбудить путём печати человеческие надежды.

Вы даёте себе клятвенное обещание молчать, всегда могильно молчать о требованиях на человека, которые заявляет кто-то где-то.

Вы достаточно наказаны.

Впредь вы не скажете, что на земле есть свободные места для людей.

[14]

Есть на свете довольно вульгарная, но очень верная поговорка:

"У всякого свой вкус - кто любит арбуз, иные же предпочитают свиной хрящик".

Я вспомнил эту поговорку, когда посмотрел, что читают канцеляристы (название низших государственных служащих, не имевших чинов - Ред.)

Их литературный вкус отдаёт полное предпочтение "свиному хрящику".

Так, например, толстущие, скучнейшие, якобы исторические романы Георга Самарова, написанные тяжеловесным языком до тошноты точного немца и далеко уступающие как со стороны стиля, так и со стороны содержания творениям нашего графа Салиаса, взяты 80 раз в течение года, - каждая книга 10 раз.

Чем так полюбился канцеляристам Георг Самаров?

Семь книжек другого Георга - Георга Борна, бездарного подражателя Террайля, - взяты 42 раза.

И таким образом Борн, с точки зрения канцеляриста, так же интересен, как и Золя, 10 книг которого взяты 60 раз, и более интересен, чем Шпильгаген, 12 книг которого взяты 65 раз.

Бессмертные у нас, но давно уже забытые на родине Монтепен и Габорио читаются более, чем Ауэрбах, Жорж Занд.

Фламарион, туманный мистик, бесшабашный фантазёр и "любитель риторики скучной", и сентиментальный подражатель Жорж Занд - Марлитт, вместе с Дюма-сыном, пользуются одинаковым почётом с Самаровым, - их тоже читают по 10 раз.

Компания!

Но всё-таки всем им предпочитается и более всех читается Гюго, одна книжка которого взята в году 17 раз!

Вторым по качеству, с точки зрения канцеляристов, следует Вернер, хотя тоже романтик, но уже совсем в другом духе: скучный, сладкоречивый и любитель добродетельных героев, добродетельных во что бы то ни стало и против всякой логики.

Бальзак, Флобер, Диккенс, Мопассан, Бурже, Эллиот, Мольер, Бомарше и много других величин европейской литературы пока ещё не существуют для господ канцеляристов...

Но они уже обзавелись Сю, Эберсом, Купером, Эмаром, Онэ и с удовольствием их почитывают.

Вообще отдел иностранных писателей в клубе канцеляристов печально беден, а пользование им до слёз смешно.

Конечно, библиотека ещё молода, но, приобретая книги, будет ли она помнить имена великих писателей?

И новые книги исправят ли литературный вкус читателя?

Вопрос туманный, и решение его в положительную сторону сомнительно...

Делу развития литературного вкуса у средней читающей публики могло бы сильно помочь устройство популярных лекций по истории литературы... Но это, конечно, лишь "пленной мысли раздраженье".

Ибо кто тот человек, который взялся бы устроить такие в высокой степени полезные лекции, и где то общество, которое откликнулось бы на его начинание?

Ах! На набережной города Самары следовало бы устроить такую же вывеску, как у жигулёвского завода, и на этой вывеске написать:

Смертный, входящий в Самару с надеждой в ней

встретить культуру,

Вспять возвратися, зане город сей груб и убог.

Ценят здесь только скотов, знают цены на сало и шкуру,

Но не умеют ценить к высшему в жизни дорог.

Посмотрим на русскую литературу.

В ней первой величиной является...

Карнович!

Его читали 11 раз.

Он тоже исторический романист, и не знаю, кому из двоих – ему или Самарову – следует вручить пальму первенства за своеобразное понимание истории и за изложение скучным языком исторических анекдотов.

За Карновичем следуют: Мордовцев, Баранцевич, Мещерский князь-гражданин и Станюкович.

Все они одинаково интересны и прочитаны по десяти раз.

Есть ещё очень хороший писатель – крещёный еврей и юдофоб Сергей Сергеевич Окрейц – читан 9 раз.

Поучительно и занимательно...

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Лейкина читали 8 раз.

Ещё бы, это такой смешной писатель!

Смирнова, Маркевич, Назарьева – две дамы в компании ярого консерватора, читаны по 9 раз.

Каждый том Достоевского взят по разику.

Тургенев – 4 раза.

А Неистович-Вральченко – 5!

Глеб Успенский взят 5 раз.

А Ясинский – 8!

8 книг Некрасова взяты 11 раз.

Каждую, значит, читало полтора канцеляриста.

Чехова читали в год пять раз.

Загоскина же и Авсеенка – по 8...

Будет!

Ясно – крупные русские писатели не в чести у средних читателей.

[15]

Знаете ли вы, читатель, что в Самаре есть "Корневильский рынок"?

Настоящий "Корневильский рынок", на котором всегда к вашим услугам:

Есть блондинки

и брюнетки...

Предлагающие вам взять их в качестве нянек, кухарок, горничных по цене от трёх рублей за месяц каторжной работы.

Предлагая свои услуги, они не поют, как в оперетке:

Regardez par сі,

Regardez par là, (смотрите здесь, смотрите там (франц.)). Из популярной в то время комической оперы Ж.Р.Ж.Планкетта "Корневильские колокола" – Ред.)

– а просто говорят:

– Барин! Не нужно ли вам какую-нибудь рабочую женщину?

Или:

– Барыня! Не требуется ли вам кого-нибудь для услужения?

По причине их простоты и жалобного тона их обращения, по причине полного отсутствия в их словах какой-нибудь гривуазности (нескромность, игривость, почти непристойность – Ред.) и в их поведении опереточного жанра на них никто не обращает внимания.

И они уныло высидивают по двенадцати часов в сутки на холоде и под дождём в чаянии спроса на их руки.

Место их упорного сидения – угол Алексеевской площади и Дворянской улицы, на тротуаре, против дома Бахарева.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Ранее они сидели в сквере, а теперь облюбовали себе как сборный пункт тротуар Бахаревой и ныне с полным удобством вымораживают из себя надежды на работу и на кусок хлеба.

Их sprыскивает дождь, посыпает снег, продувает ветер до мозга костей, но они всё-таки сидят и ждут.

Чем чёрт не шутит?

Среди них создалась легенда, что когда-то одна из них чуть-чуть не попали кухаркой в хороший, богатый дом и даже, наверное можно сказать, попала бы, но простудилась во время сиденья на ветре, под открытым небом, схватила воспаление лёгких и умерла ранее, чем успела окончательно переговорить с нанимателем относительно условий найма.

В эту легенду верят и ждут подтверждения её реальным фактом – путём найма на службу одной из них на глазах всех её товарок.

Они коченеют от холода.

Они немножко невеликаты от голода.

С шести часов утра они идут дрогнуть на холоде и ветре до шести вечера, и всё безуспешно – на рынке труда перепроизводство рабочих рук, и никто из нанимателей и работодателей не хочет взять одну из этих замерзающих женщин себе в услужение.

И они сидят день за днём, сидят и ждут работы, простужаясь, заболевая, уродуя себя.

Мимо них ходят, ездят, но всё это мимо них.

А они мокнут на дожде и удивляются.

– Почему это, товарки, не нанимают нас куда-нибудь? а? – спрашивают они друг друга.

Никто не знает почему.

Добрейшая управа!

Твори добрые дела!

Пора!

Дни выборов близки – чем помянут тебя преемники после того, как большинство твоих членов помрёт гражданской смертью, убитые чёрными шарами?

Прикрой крышей "Корневильский рынок" на Алексеевской площади!

Дай где-нибудь приют корневильским брюнеткам и блондинкам, ничем не защищённым от капризов самарской осени!

Осени крышей кухарок, нянек, мамок, горничных и других особ из категории "услуживающих людей"!

Сунь их куда-нибудь в уголок!

[16]

Это было недавно, на днях.

Возвращаясь однажды вечером из редакции домой, я был остановлен робким возгласом:

– Послушайте!

Обернулся и вижу – стоит сзади меня молодая девица и, смущённо перебирая

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
пальцами концы шали, исподлобья смотрит на меня и что-то хочет сказать.

- Вы что?

- Можно мне пойти немножко с вами?

- Пойдёмте.

Пошли.

Сначала она всё вздыхала, поводила плечами и перекидывала муфточку из руки в руку - и всё это продолжалось столько времени, что мне уже стало скучно.

- Я вас хочу спросить, куда мне жаловаться на мать? - медленно выговорила она и вопросительно подняла на меня глаза.

Глаза у неё были робкие, бледные какие-то, бесцветные, лицо бескровное и худое, но милостивое, тёмные пятна под глазами придавали ему выражение печальное и убитое, а тонкие губы были так сжаты, точно она собиралась расплакаться. Одета она была по-мещански просто - в старенькую, потёртую шубёнку и шаль.

- Что вам сделала мать?

- Бьёт всё... очень больно... Да это бы ничего ещё...

- А разве есть ещё что? - спросил я.

- Да-а. Она, видите ли, продаёт меня одному господину... Потому она и бьёт, что хочет вот продать, а я не согласна... - вполголоса объяснила девушка, и губы у неё вздрагивали.

- То есть как же это она вас?

- А он, видите, даёт ей сто двадцать рублей за меня, и чтобы я жила с ним, вроде как бы жена, столько времени, сколько он захочет.

Как видите, дело шло о чём-то вроде новой формы брака, о браке на срок, о временном пользовании женщиной как таковой за известную арендную плату...

По всей вероятности, мать, сдающая в аренду своё дитя, при этом даст арендатору гарантирующую его права расписку, такого приблизительно содержания:

"Накануне XX столетия, в конце века гуманизма, всяческого просвещения и блестящего развития наук, в 1895 высококультурном и просвещённом году, я, нижеподписавшаяся самарская мещанка такая-то, сдала дочь свою Олимпиаду в аренду господину N за сумму в сто двадцать рублей серебром и на срок, какой ему, господину N, самому будет угодно пользоваться дочерью моей. Причем я, мещанка такая-то, за уплаченные мне господином N деньги, лишаюсь всех моих кровных прав на арендуемую у меня статью и никаких претензий за порчу господином N тела и души моей дочери обязуюсь не предъявлять, считая себя вполне удовлетворённой полученной мной с него арендной платой. Мещанка такая-то".

Просто и основательно.

Было время, когда на рынках Рима глашатаи кричали:

- sardi venales! Alius alio nigerior!

Что по-русски значит:

- Сардинцы продажные! Один хуже другого!

Сардинцы считались плохими рабами и шли по дешёвой цене.

А было это в 179 г. до Р.Х.

Что, как настанет время, когда на наших рынках тоже будут кричать:

Между прочим. Максим Горький gorki.ucoz.ru

- Мещанские девушки продажные! Одна другой лучше! Недорого! Кому угодно?

Подумайте-ка, ведь, право же, это вполне возможно накануне XX столетия по Р.Х.

Нечто в этом духе уже существует, и кто хочет в этом убедиться, пусть погуляет по Дворянской улице вечером от семи до десяти.

Там очень много продаётся рабынь; вся разница между торговлей Рима и Самары в том, что у самарских рабынь нет глашатая...

...Я много говорил с этой девушкой и немало говорил о ней с другими людьми.

Из разговоров с ней я выяснил, что она не хочет идти в аренду потому, что арендатор рыжий и что у него всегда мокрые усы, которые при поцелуях мажут ей щёки, от чего её тошнит.

Затем она показывала мне три кровавые рубца на своей шее - это любящая рука её матери положила на шею дочке яркие знаки своих забот по адресу "плоти от плоти своей".

А из разговоров с другими людьми выяснилось, что помочь чем-либо девушке очень трудно.

Чем можно доказать, что мать продаёт её?

Девочка уже совершеннолетняя - ей шестнадцать лет и четыре месяца.

Я рекомендовал ей обратиться к прокурору, предлагал написать прошение, много говорил ей о возмутительности того положения, в которое она встаёт.

Но - увы! Возмутительность эта с её точки зрения сводилась, главным образом, к рыжему цвету волос и мокрым усам арендатора, а моральный смысл факта был не доступен её пониманию.

Однажды она даже сказала:

- Это-то ничего бы! Всё равно ведь как-нибудь да нужно же выходить замуж! Иной ещё с тебя приданое возьмёт.

Как видите, у неё не особенно лестное представление о браке, но... может быть, она права.

С ней трудно было говорить, её возмущало только то одно, что "он" "рыжий чёрт" и что он "сопливый".

Pardon! (простите (франц.) - Ред.) Но она именно так выражалась.

Итак, поговорив с нею раза четыре, мы пришли, наконец, к одному соглашению, по поводу которого она решила "подумать".

Прощаясь с ней, я уже чувствовал, что потерпел фиаско в моих намерениях, - не умея думать, нельзя обещать "подумать" и нельзя что-либо выдумать.

- Он нездешний, этот рыжий-то: из-под Уфы откуда-то... А мать уезжает в Балаково, коли это дело сойдётся... - нашла нужным сказать мне эта девочка.

И вот теперь я узнаю, что "это дело" - сошлось.

Рыжий, должно быть, покрасился и вытер себе усы.

Человек временно продан за сто двадцать рубликов.

Дорого это или дешёво - как по-вашему?

В хорошей книге господина Далина "не сказки" среди фактов, рисующих бесправие женщины, есть вот какой факт.

На харьковском вокзале сидят одиннадцать красивых девушек в возрасте до 17 лет,

Между прочим, Максим Горький gorkiymaxim.ru а около них увивается "восточный чэлавэк" и на вопрос, что это за девочки, - откровенно, и даже торжествуя, объясняет:

- Дэвочки? Очэнь хороши! На Одэсс вэзу...

Словом, перед публикой был налицо так называемый "живой товар" - партия живого товара, ещё не бывшего в обращении.

Днём, при ярком свете солнца и на глазах сотен людей, одиннадцать живых душ отправляются на гибель: всем известно, что их втопчут в грязь, погубят, отравят, уничтожат.

Никто не вправе помешать этому, никто.

Нужно доказать, что эти одиннадцать "продаются" без разрешения и согласия родителей, - тогда можно бороться с восточным человеком.

Но если девушку помимо её согласия "продают" родители - тут нечем и не с кем бороться.

Тут нечем помочь девушке.

Особенно если она сама - без души.

[17]

Стоимость интеллигентного труда с точки зрения самарского коммерсанта на днях точно установлена одним из последних, господином Т.

Ему потребовалось подготовить своего десятилетнего сына для поступления в учебное заведение, и вот он ищет человека, способного "образовать сынишку, штобы ён в емназию вперся".

Такой человек найден и готов служить.

- Ты мне, миляга, - устанавливает господин Т. количество труда, - обучи его всему, что там требуется по порядку. Еграфия - и еграфии, рихметика и её напхай ему в голову, и вот одно слово, приведи мне малого в нужную ролю - и больше никаких! Можешь?

- Могу... - говорит человек.

- Так. А денег тебе сколько за это?

- Три часа занятий?

- Мне хоть пять. Мне чтобы обучить мальчишку. А сколько часов тебе работы - это твоё дело. Хоть десять.

- За три часа ежедневных занятий я с вас возьму десять рублей, говорит учитель.

Купец разевает рот и делает круглые глаза.

Он долго молча смотрит в лицо учителя и наконец хохочет во всю мочь и силу.

Учитель в недоумении.

- Уморил! - покатывается со смеху купчина.

Учитель просит его успокоиться и объясниться.

- Изволь - объясню. Чудак ты, вот что! Да ты понимаешь ли, что я за десять рублей в месяц имею кухарку и горничную, десять рублей плачу кучеру, семь целковых дворнику, и все эти люди за своё жалованье целый день у меня работой заняты - понял? Целый день! А ты за три часа в сутки хочешь с меня эту сумму слупить. Эх ты, учёный! Видно, по учёности своей бога-то ты уж и не боишься совсем.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Но - позвольте! Какое же вы мне вознаграждение предложите? - спросил ошеломлённый учитель.

- Какое? Я, брат, по чистой совести, могу тебе дать один рубль пятьдесят копеек в месяц!

- Полтора рубля?!

- Серебром! Получай - и с богом принимайся.

Учитель рассчитал, что полтора рубля в месяц - это будет максимум по семишнику за час работы.

Семишник за час умственного труда - унизительно дёшево, и предложение этого семишника - варварски глупо.

- Ну, нет, мы не сойдёмся, - сказал учитель.

Купец удивился.

- Чего ты пыжишься, скажи на милость? Вашего брата, учёных, уйма без делов шляется. Я, брат, найду и такого, который с меня полтину в месяц возьмёт... Так-то... Больно ты чобуньковат. Фря какая! Полтора рублей ему мало... Десять целковых дай... Ишь! Я за десять-то рублей в месяц верхом на человеке кататься буду.

- Прощайте!

- Прощай - не стражай... Горд ты, брат. Видно, ещё у воды без хлеба не сиживал? Постой, погоди! Хошь, прибавлю? Кажинный день два стакана чаю буду давать - хошь? Полтора, значит, целковых и стаканов сорок, а то полсотни чаю в месяц. Идёт?

Не сошлись...

Да, вот он каков, этот купец Т.

Оценивая так дёшево просвещение и интеллигентный труд, он плохо понимает, что творит.

Нельзя не порадоваться тому, что он так плохо понимает это.

Ибо существует мнение, что чумазый скоро захватит жизнь в свои руки, захватит, исковеркает и испачкает её.

Ну, это не скоро будет, если чумазый сохранит в себе первобытность отношения к людям и взглядов на просвещение.

При таком плохом понимании жизни и запросов современности, как у купца Т., трудно купцу Т. доминировать над жизнью и верховодить людьми.

Зелен...

Не созрел...

[18]

Прошлый раз я говорил о том, как в уфимских железнодорожных мастерских дерутся.

Говорил я на основании письма, присланного мне неким уфимским человеком, но рассказать всё, что было сообщено мне в письме, - не мог.

Тем не менее и то, что я рассказал, возымело действие, как снова сообщает мне мой уфимский корреспондент.

Толкуйте там, что пресса не имеет влияния на жизнь!

Вот вам доказательство противного.

Когда номер "Самарской газеты" с наёмками на железнодорожные порядки попал в руки начальства, оно сейчас же нашло среди рабочих одного из невинно битых людей, к своему несчастью, ещё и грамотного, и предъявило ему номер.

- Это что?

- ?!

- Нет-с, это твоего ума дело. Мы тебе советуем поостеречься... да-с. Позаботься, чтоб на предбудущий раз такие писания были невозможны. Сор из избы не выноси. А то!..

Ни в чём неповинный малый возмутился.

- Да это писал не я! Какие у вас доказательства, что это именно я?

- Ты грамотный?

- Да!

- Ага! Ну и достаточно! Так ты и помалкивай. Понял?

Малый ничего не понял, но, конечно, замолчал. Кто-то, что-то, о чём-то написал, а он, ничего не ведая, оказался во всём этом виновен.

Ясно - пресса влияет на жизнь.

Вот факт из области уфимского скулодробления.

Обвинённый в писательстве человек, по словам моего корреспондента, имел суждение о каком-то служебном деле с мастером токарного цеха Т.

Мастер - это тоже начальство - горячился и говорил лаконично и красноречиво...

- Ну? да! Э! Х-хе! Болван! О? Дурак! Н-но? Х-ха!

А когда увидал, что всё это недостаточно убеждает его собеседника, то употребил самый веский аргумент и дал собеседнику в зубы...

Тот пожаловался начальству.

Начальство выслушало жалобу и положило такую резолюцию:

"А не надо было выводить человека из терпения".

Зачем выводить его из терпения? Конечно, если и меня вывести из терпения, и я буду бить.

И ещё как вздую! Идите и не выводите человека из терпения.

Жалобщик ушёл сконфуженный.

Встречается с ним мастер Т.

- Ну что, пожаловался?

- Отстань...

- Пожаловался, ха-ха-ха!

- Скажи, чего ты надо мной издеваешься?

- Я? я и ещё тебе в зубы дам!

И мастер дал жалобщику ещё в зубы. На, жалуйся!

Но тот уже не пошёл жаловаться.

Какой в этом смысл?

Он решил проглотить пару зуботычин в чайнии, что третья последует ещё не скоро.

Но - увы! Он не обрёл в смирении покоя.

Кто-то написал о происшествии мне, я тоже написал, а начальство прочитало и прописало жалобщику выговор, повергший его в трепет.

Увы, ещё раз! Не буду больше писать о битых - их и за это бьют.

[19]

Недавно в Самаре был такой анекдотический случай.

В одном учреждении заметили, что некто из служащих не приходит работать.

Заметив это, начальство решило:

- Оштрафовать его!

Оштрафовали.

Но и это не подействовало на строптивного служащего, - он всё не являлся работать.

"Гм! Странно!" - думало начальство.

И вдруг оказалось, что этот служащий не ходит работать потому, что он умер.

Тогда начальство ещё подумало и пришло к убеждению, что смерть причина, вполне уважительная для того, чтоб не являться на службу.

Сложилось ли оно с покойника штраф, не знаю.

Думаю, что сложилось, потому что с покойников крайне трудно взыскать что-либо за невозможностью определить место их жительства.

История - не вся, в ней нет середины.

Дело, видите ли, в том, что этот служащий, прежде чем умереть, заболел, как это очень часто и совершенно "ни к чему" делают люди.

Заболев, он сейчас же лишился средств к существованию.

Отсюда следует вытащить мораль:

"Бедняки! Не хворайте, ибо сие для вас есть роскошь, роскошь же безнравственна.

Не хворайте, о бедняки, ибо это лишает вас средств к существованию и посему невыгодно.

Бедняки, служащие где-либо!

Вы тем более не должны хворать, что за вышеперечисленными неудобствами болезнь ваша имеет и ещё одно - она беспокоит ваше начальство.

Ибо, заболевая, вы имеете дурную привычку обращаться к нему за пособиями".

Так-то!

Вот как много морали я вытащил из этой маленькой истории.

В данном случае так же было.

Герой моей правдивой повести, захворав, обратился к начальству с просьбой о пособии.

"Гм!" - сказало про себя начальство.

Пособие? Человек хворает и просит пособия.

Следует ли пособлять человеку, который занимается тем, что хворает? Морально ли такое занятие, и заслуживает ли оно поощрения? Какая польза может быть извлечена обществом из человека, который лежит, обременённый недугами, на скудном одре своём, лежит и стонет? Итак, следует ли помогать ему в этом занятии, раз оно бесполезно?

Ясно - не следует.

По сей причине больному служащему пособия не дали.

Тогда он умер.

Он, наверное, умер бы и с "пособием". Да, впрочем, он с "пособием" и умер, ибо, не давая ему сего "пособия", ему тем самым и помогли умереть. И вот, когда он умер, то решили: "Выдать ему награду в пятьдесят рублей!"

Повторяю для вящего эффекта:

- Наградить его пятьюдесятью рублями!

Ну, скажите же, разве это не гуманно?

Не хорошо?

Не вызывает слёз умиления на ваши глаза?

Нет?

Так это потому, сударь мой, что у вас чёрствое сердце и вы не умеете ценить гуманизма вашего начальства!

Но один вопрос, если вы позволите.

За что выдана награда этому бедняге?

За своевременное удаление к праотцам?

Почему тогда ему для поощрения "в путь-дорогу" не дано пособия?

Мудрые Эдипы города Самары!

Решите сей вопрос.

Доставивший лучшее и яснейшее решение заслужит мою вечную благодарность и навеки нерушимую преданность.

Мне так хочется проникнуть в смысл сего аллегорического - надо полагать - события.

[20]

Миллионеры-недоимщики!

Громко звучит - не правда ли?

Трудно поверить, что человек, имеющий миллионное состояние, при ежегодном окладе в 80 рублей умеет накопить за собою долг городу 2396 рублей!

Заметьте, чем крупнее состояние недоимщика, тем солиднее сумма его недоимки.

Как будто бы чем богаче человек, тем халатнее его отношения к обществу и к нуждам города.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Один почтенный гражданин не платит городу денег сорок лет.

Своего рода подвиг!

"Совершенно обычное дело" – не платить ни копейки сборов в течение двадцати лет.

Какая высокая гражданственность!

Полумиллионное состояние не позволяет человеку своевременно внести деньги по окладным сметам, и он накапливает за собой 1869 рублей!

Это уже прямо-таки самодурство!

Ни в какой другой стране невозможно такое халатное отношение к делам города, столь дерзкое игнорирование его интересов и такая уверенность в том, что меня никто не смеет тронуть, потому что у меня есть миллион!

Я миллионер, не препятствуйте моему нраву!

А наш господин лорд-мэр по родству с господами толстосумами им мирволит.

К нему обращаются с вопросом:

– Толстосумов-тугоумов не платит городских сборов с тысяча восемьсот двенадцатого года. Прикажете послать ему окладной лист в этом году?

– Не приказываю! – кратко режет лорд-мэр.

Ну, ещё бы приказать!

Можно ли пойти противу родного человечка?

И родной человечек и лорд-мэр – одному богу молятся, – богу, имя коего – рубль.

И это радение об интересах города со стороны представителя самоуправления!

Вот люди, которые твёрдо убеждены в том, что своя рука – владыка!

И в то время как господа миллионеры считают себя вправе игнорировать законные требования думы и управы, последняя, халатничая и мирволя их степенствам, "дёрлом дерёт" недоимки с мелких владельцев.

Среди разных богом обиженных мещан, жителей окраин города, недоимщиков почти нет, хотя доходы этих людей исчисляются всего десятками рублей.

Они живут на не мощёных улицах, тонут во тьме крошечной и в грязи непролазной и, не пользуясь никакими культурностями, платят налоги аккуратно.

Ещё бы! Из них можно недоимку выбить кулаками, на них можно кричать, их имущество можно продать.

Ничего такого не сделаешь с миллионщиком.

Господин Михайлов говорит о своём соседе, что сей почтенный барин воду в свою квартиру провёл, а о водопроводном займе и знать ничего не хочет.

Кто может его познакомить с его обязанностями?

Никто. Некому.

Постыдные вещи слушали господа гласные нашей думы в последнем заседании.

– Требовалось предъявить иск к одному из местных "степенств", так ведь адвоката не нашли, – бросает господин Буслаев бомбу.

– Неужели? Не поверю! – восклицает господин Лавров.

– Это – факт! – возражает ему господин Буслаев.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

И это утверждение сходит ему с рук, несмотря на то, что среди гласных думы есть несколько человек адвокатов.

Господин Подбельский, присяжный поверенный, просит указать ему этот "факт".

Господин Кожевников, городской судья, говорит:

- Вы оскорбляете присяжных поверенных!

Эти последние были немые, несмотря на то, что честь их корпорации была задета представителем "чумазого царства".

Вот она, современная самооценка интеллигентными людьми своего значения в жизни!

Молчат!

Выясняется ещё такой милый порядок.

Многие из недоимщиков получают в управе деньги, и с них управа не делает никаких вычетов.

Один из членов управы - тоже недоимщик.

Чем же объясняется такое послабление, как не родством да кумовством управы с недоимщиками?

Очень жаль, что к предложению господина Кожевникова отдать управу под суд не присоединились другие двое членов ревизионной комиссии.

Господин Михайлов всегда ревностно защищает интересы города и смело ставит на вид управе её бесчисленные грехи, - непонятно его несогласие с господином Кожевниковым по данному вопросу.

Разве не преступно со стороны управы это продолжительное бездействие власти, столь ярко выясненное работой ревизионной комиссии, и разве можно чем-либо иным, кроме угрозы, действовать на людей, считающих себя недосыгаемыми господами положения и творящих всё так, как им хочется, а не так, как нужно в интересах города и принципа самоуправления?

Понимают ли они, с чем имеют дело?

Ведь им дана частица того самоуправления, за которую люди других стран лили кровь, добиваясь его!

А они своими неумытыми руками портят этот великий дар, не умея правильно понять и оценить его.

Грянет ли над ними какой-либо гром и перестанут ли они изображать из себя самоуправцев?

И перестанут ли они дурачить гласных такими наивными объяснениями, похожими на глумление, каковы объяснения господ Арычкина и Степнова?

Особенно хорош последний с своими "кажется", "должно быть" и прочими столь же определёнными словами. Недурён и господин Арычкин, находящий, что уж раз недоимки накоплены издавна, - почему это непременно он должен их взыскивать!

Итак, вот каковы наши городские дела!

У города нет денег, и город имеет в долгу за миллионерами 34 400 рублей!

Солидная сумма всё-таки!

Ей можно бы найти место в хозяйстве города.

Быть может, дума изберёт депутацию и поручит ей "почтительно просить у их степенств" возврата городу его тысяч, на которые они совершают свои обороты?

Наверное, процент этих оборотов превышает сумму пени, начисляемой за неплатёж.

[21]

Должно быть, суждено, чтобы эта неделя была неделей "о купцах".

Некоторые из них, обратив на меня своё степенное внимание, рассердились, прогневались, говорят, что я их незаслуженно обидел и что меня нужно за это избить.

Желаю успеха, но сомневаюсь в нём.

Был в Новгороде в старинное вечернее время удал-добрый молодец В.Б., и, по словам былин, он очень любил и умел драться.

Наберёт себе приятелей, ходит с ними по улицам, всякого встречного в ус да врыло, недругов своих до смерти забивал – и так верховодил делами Новгорода, пока не был укрощён каликой-перехожим.

Но всё это было давным-давно, и какое нам дело до В.Б. "со товарищи"? Я бы и не вспомнил о этом добром молодце, кабы у него в Самаре не было тётки и однофамильца, желающего подражать своему прототипу вечерних времён.

На мой взгляд – это нехорошо.

В 1895 году самарским купцам не следует подражать новгородским ушкуйникам.

Купцу по нынешним временам надлежит быть солидным и культурным.

Ныне купец силой событий вынужден играть в жизни едва ли не первенствующую роль.

В его руках – деньги, один из сильнейших рычагов жизни.

Он является крупной общественной силой, силой первостепенного значения, ибо интеллигенции мало и важнейшая пружина жизни страны в руках купца.

Он – фабрикант, он – экспортёр, он стоит у кормила самоуправления, у него в зависимости многое, и много он мог бы сделать для страны.

Но он не понимает своего жизненного значения, в набивании кармана он видит цель жизни, забывая о том, что человеку, сколько бы миллионов он ни имел, в конце концов всё-таки понадобится три аршина земли на кладбище и больше ничего.

Будучи типичным русским человеком, добродушным и грубым, способным в один час этому нищему дать в ухо, тому подать тысячу рублей милостыни, – как это делал Г.Ч., пребывая, несмотря на все обличения, самодуром, – он совершенно не умеет быть гражданином своей страны и очень плохой христианин.

Сидя на сундуке со своими тысячами, он никогда не помнит о других тысячах, – о тысячах людей, голодных, холодных и бесприютных, о которых он, – если бы верил словам Христа, – должен бы был позаботиться.

А кто из самарских богачей уделит что-либо от своих тысяч в пользу дома трудолюбия, учреждения, несомненно, глубоко христианского?

И кто из местных тысячников и миллионеров откликнулся на наш призыв помочь людям, ищущим мест прислуги, тем несчастным, что толпятся на Алексеевской площади у дома Бахаревой, – толпятся с утра до ночи на морозе?

Для них нужно только выстроить загородку, и стоит она много-много 100 рублей.

Какие дела, полезные городу, совершил данный состав думы и управы?

Что вообще хорошее и важное для города сделало наше богатое купечество, что оно делает и что предполагает сделать?

Я знаю за ним одно дело – это ненависть к местной прессе и преследование её

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

разными путями.

А между тем – чем виновата перед купечеством пресса?

И зачем нужно на зеркало пенять, коли...

Кому много дано, с того много и спрашивают.

Один купец побил своего "мальчика" за то, что этот мальчик принёс сыну купца бутылку пива.

Разве это не дико?

За что бить мальчика, раз он стоит в такой же зависимости от сына хозяина, как и от "самого"?

Это однако в нравах почтенного класса, в данное время чуть ли не доминирующего над жизнью и, кажется, всё более расширяющего район своего влияния в ней.

Хорош же этот класс, намеренный играть в своей стране историческую роль и забывший умыться!

Две тысячи лет тому назад у язычников-римлян представление о гражданине и о его роли в государстве было таково, что православным миллионерам-христианам нынешних времён – со стыда сгореть следует пред язычниками-то!

Так уж пусть они, купцы, не обижаются, если в прессе их дикая жизнь отражается, как в зеркале.

Нужно быть почтенным для того, чтобы вызвать к себе почтение.

Нужно уважать других для того, чтоб иметь право на уважение к себе.

Нужно, наконец, быть грамотным, то есть умственно зрячим, для того, чтоб уметь судить о людях и о себе и о прессе справедливо и предъявлять к ней разные претензии.

Нужно на себя оглянуться, господа купцы, да, взвесив своё жизненное значение, проверить, насколько ваша жизнь в её действии соответствует вашему значению в стране.

А кто сердится, тот доказывает, что он виноват...

[22]

С новым годом, читатель!

Что новый год, то новых дум,

желаний и надежд

Исполнен легковёрный ум...

Это сказал Некрасов двадцать лет тому назад, но он едва ли сказал бы так в наше время, когда нет желаний и нет надежд, и новых дум тоже нет, а есть только серенькая, бледная жизнь людей, утомлённых жизнью и заплутавшихся в её противоречиях, – людей сухих и чёрствых, с отсохшими сердцами, с тёмным умом, без интереса к жизни как к общему явлению, всецело поглощённых собой, верующих только в себя (да и то слабо!), живущих исключительно для себя, считающих центром жизни себя, – нет ничего нового, и нет стремления к новости в людях, нищих духом!

С новым годом, читатель!

С новым годом, старые мехи, в которые не следует вливать новое вино, но всё-таки да возродятся надежды и запыхают желанья, хотя бы все мы и сгорели в огне их.

С новым годом!

Но не будет ничего нового, если мы не захотим его, а трудно ожидать, чтоб мы захотели, ибо, кажется, нам нечем хотеть, у нас чувств нет!

И нет в жизни священного огня, творившего ту жизнь, которая не была такой фатальной и механической, как наша, а была жива, оригинальна и горела разноцветными огнями желаний, среди которых особенно ярко блистало пламя желания "общего блага", желания добра для всех.

Для "всех"! Это было могуче ясно!

Но вот наступило новое время, желания погасли, жизнь стала тусклой и бледной впечатлениями, "все" – куда-то исчезли, и остались одни "мы", но и "мы" недолго существовали, – "нас" сменило "я", и вот ныне оно главенствует над жизнью, напыщенное, но пустое, самолюбивое и бессильное.

Чего оно хочет, каждое из этих "я"?

кто его бог?

В чём цель его жизни?

Все это вопросы, и каждый из них кроет в себе целую трагедию.

Оторванное от общей почвы, каждое из этих "я" так бессильно, так жалко, так нищенски бедно надеждами, желаниями, думами.

Как же оно может создать новый год?

– Тик-так! – звучит маятник часов; потом часы бьют двенадцать ударов, и мы полагаем, что наступил новый год.

Но если без пяти минут двенадцать мы не успели вырвать из нашей души ни одной из тех соринки, которые затемняют её и заглушают в ней всё святое и чистое, – как может наступить для нас новый год?

Человек делает время, а потом уже время воспитывает его.

С новым годом, читатель!

Ах, как грустно, что мы не умеем больше верить и разучились надеяться и нечем нам любить, ибо сердце потеряли мы!

Как тени, мелькаем мы в жизни, как тени, мы исчезаем, не оставляя по себе никаких воспоминаний; как тени, мы бежим от солнца – и скоро нам не о чем будет говорить друг с другом, ничто не [за]интересует нас, и тогда мы будем немые, как тени.

А наступил новый год...

С новым годом, старые люди!

На новый год принято делать пожелания, хотя доброе пожелание одинаково уместно во все дни года.

Но, очевидно, и на это, как на всё доброе, люди тоже стали скупы и желают добра друг другу только один раз в году, именно при его встрече.

И, право, чудится что-то недоброе в этом официальном желании добра, что-то предостерегающее.

Но – по службе фельетониста – я тоже обязан сделать пожелания читателям.

– Пожелаю!

Прежде всего, желаю читателям найти в "Самарской газете" всё то, что они в ней ищут, и получить от неё всё, что хотят. И не сердиться на неё все люди, все человеки.

Засим искренно желаю их детям не походить на своих родителей.

Жёнам желаю увидеть их мужей хорошими семьянинами и внимательными мужьями. О любви мужей я, конечно, не буду говорить, боясь быть наивным.

Пожелав этого одной из враждующих сторон, я, чтобы не обидеть другую, и ей того же желаю.

И та и другая партия непримиримых одинаково нуждаются в более ясном понимании внутреннего смысла таких явлений, как семья, жена и дети.

Людам, ничем не довольным, желаю пробыть таковыми до гроба.

А тем, кто доволен собой и окружающим его, искренно желаю утратить это довольство и принять человеческий образ и подобие.

Барышням желаю – веселиться, пока они ещё барышни... и хорошенько подумать перед тем, как превращаться в дам.

Желал бы видеть молодых людей именно молодыми людьми, но, кажется, это совершенно невозможно теперь, когда люди в двадцать пять лет от роду ухитряются впадать во что-то вроде старческого маразма.

Самаре желаю процветать, но не думаю, что это ей удастся, ввиду её неуклюжести и сонной тишине излюбленной ею жизни.

Городской управе – от души желаю управляться с её делами, а думе хорошенько думать и не так много говорить.

Горчишникам – увеличения штата полиции, а также учреждения специально для них какого-нибудь скулодробительного конкурса победителей, на котором, в виде награды, сажали бы в ванну со льдом часа на три.

Местным купцам – я желал бы умыться, – нехорошо быть очень уж чумазыми людьми.

Остаётся ещё много людей, которым тоже есть чего пожелать, но мне некогда, а всем им воздастся по заслугам, так что желаю я им добра или нет всё равно, роковым образом все они получают своё возмездие за поступки, требующие такового, и надежды на награду – за всё, что заслуживает награды.

Итак – с новым годом!

С новым счастьем!

Со счастьем жить, которое мы так мало ценим, устраивая из нашей жизни что-то бесцветное, скучное или наполняя её плохими драмами и трагикомедиями собственного творчества.

Или заваливая её смысл хламом будничных забот, в котором задыхаются наши живые души.

Да будет же ново для нас счастье жить!

[23]

Хотя святки уже и прошли, но последствия их ещё очевидны.

По крайней мере, для меня.

Я чувствую, что будничная действительность вдруг почему-то стала выше моего понимания.

Какие-то загадки будто бы совершаются вокруг меня.

Вот, например, село Выселки ходатайствует о продовольствии, потому что село Выселки постиг неурожай.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
До сей поры я понимаю явление – село Выселки хочет кушать, вот узел явления.

Дальше я начинаю затрудняться в усвоении хода события.

У села Выселок, которое хочет кушать, есть хлеб, и даже очень много 9734 пуда хлеба.

И вот оно просит разрешения у ставропольской земской управы есть этот хлеб.

После праздников мне такая канитель кажется нелепой.

У меня есть хлеб, и я буду его есть без всякого разрешения.

Но у села Выселок какая-то странная логика.

И оно находит нужным просить разрешения на еду своего собственного хлеба.

Поймите-ка это сейчас же после праздников!

Итак, село ходатайствует пред ставропольской земской управой о разрешении кушать.

Ставропольская управа находит нужным предварительно посмотреть, что именно хочет село.

Смотрит и видит.

Село хочет есть пшеницу.

Скажите!

Белый хлеб, значит!

Но, присмотревшись к пшенице, управа находит её "недоброкачественной, с сильной примесью головни и негодной для продажи".

Предмет потребления, негодный для продажи, годен ли для потребления?

Управа решает этот вопрос так:

"Для потребления порядочных людей – нет, негоден, для потребления мужицкого – да, годен!"

И в этом смысле она отписывает губернской управе:

"Можно удовлетворить просьбу села Выселок. Пускай его, село, ест недоброкачественную пшеницу, если хочет, но всё-таки пусть заплатит за каждый пуд этой негодной для продажи пшеницы пудом хорошей ржи".

Губернская управа согласилась со всем этим.

И всё это, должно быть, очень человеколюбиво, замечательно гуманно и, несомненно, очень выгодно.

Хотя я лично ничего в этой истории не понимаю.

После праздников с большим трудом постигаются такие махинации.

В них столько такта административного и ещё чего-то столь же непонятного, что голова идёт кругом, как подумаешь.

Существует в Самарской губернии земское санитарное бюро, о котором очень много говорят и пишут господа врачи и о котором публика всё-таки ничего не знает.

Я тоже ничего не знаю.

А мне очень хотелось бы знать, как взглянет санитарное бюро на это дело – на поедание крестьянами недоброкачественной пшеницы с головней и с прочими

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
неудобосъедаемыми штучками.

Коли есть санитария, должна быть где-нибудь поблизости от неё и гигиена.

А задача последней... Впрочем, я не знаю задач земской гигиены и земской санитарии.

И вообще я не говорю, что нехорошо кормить крестьян недоброкачественной пшеницей с какой-то головнёй, может быть, и с углями и даже с золой...

Весьма возможно, что им это очень полезно, - мы так плохо знаем наш народ и его свойства.

Но меня несколько смущает "пуд за пуд".

За пуд недоброкачественной пшеницы - пуд хорошей ржи, - это дорого.

Право же, дорого!

Один из наших репортёров, человек редкой души, но очень наивный, сказал вчера нечто об одном из двухсот купцов, подписавших заявление о прекращении торговли в праздничные дни, заставившем своих приказчиков торговать в день святого крещения.

Он несправедлив.

Или он ошибается.

Я справедлив и справедливости ради считаю нужным отметить, что торговал в день крещения не один господин Савельев, а и многие другие из двухсот.

Он, репортёр, видит в этом факте - противоречие.

Я не вижу.

Одно дело - подписать бумагу, другое дело - торговать противно смыслу её.

Бумага подписана и лежит, а подписавшиеся люди торгуют, и в их карманы денежка бежит.

Из этого следует, что они своё дело знают.

А что они жадные - это точно.

И что они плохие христиане - это тоже верно.

Но всё это для них трын-трава.

"Жизнью пользуйся, живущий!"

Для них жизнь - купля-продажа, бог их - целковый, и ему они - верные дети.

И никакой добродетельной моралью их ранее кануна их смерти не прошибёшь.

А всё-таки иногда нелишне пощекотать им селезёнку - пусть позеленеют немного.

[24]

В наше серенькое, меркантильное время, - время, когда люди так мало ценят своё человеческое достоинство, то и дело меняя своё первородство на жиденькие чечевичные похлёбки земных благ, - дон Сезар де Базан, истый дворянин и аристократ по своим понятиям о чести, но демократ по отношению к людям, - в наше время этот испанский дворянин, для которого действительно честь "прежде всего", является смешным и мало кому понятным романическим анахронизмом.

А сколько однако истинно хорошего и истинно рыцарского в этой оборванной фигуре бродяги-гранда!

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Господин Сарматов – приятно сказать похвальное слово от души! – верно понял изображаемый им характер и провёл роль дворянина-бродяги с искренним чувством и с таким огнём, какого до сей поры нам не приходилось замечать в его игре.

Сцену пред смертной казнью он провёл почти с такой же бравадой храбреца и с таким же художественным чутьём, как – я видел – вёл эту сцену Ленский...

Немного скептик, немного фаталист, беззаботный храбрец и благородная душа, – дон Сезар был живым на сцене...

Да, господин Сарматов ещё первый раз за сезон был так хорош, как хорош был он в этой роли.

Спектакль не обошёлся без лёгоньких курьёзов.

Прежде всего, я усмотрел такую вещь. Господин театральный парикмахер, очевидно, очень много занимается современной политикой, главный узел которой, как известно, завязан в Южной Африке.

Должно быть, по сей причине неаполитанец, капитан стрелков, был загримирован зулусом.

Прямо-таки зулус: медно-красное лицо, чёрные курчавые волосы, толстушие красные губы – портрет короля Сетевайо и – только!

Затем, хороши были придворные дамы, роли которых исполнялись если не театральными плотниками, то, несомненно, пожарными.

Мне также очень понравилась тяжёлая каменная стена тюрьмы, которая меланхолично раскачивалась целый акт, как бы думая: упасть или уж не надо?

А часы тюремной башни в продолжение целых двух часов неуклонно показывали двадцать семь минут шестого, хотя господин Сарматов и говорил, что видит на них сначала пять часов, а потом без четверти семь.

Затем, есть в театре нашем ещё нечто, нарушающее цельность художественного впечатления от игры на сцене.

Я говорю о разных забавных физиономиях, высывающих свои длинные и чумазые носа из-за кулис.

Сначала вам кажется, что из-за кулисы кто-то дразнит вас, показывая вам варёную сосиску.

Потом вам кажется, что это не сосиска, а палец, но палец феноменальной величины.

Наконец вы видите, что это нос, и даже вы слышите, что это нос, потому что он фыркает.

После чего скрывается затем, чтоб появиться за другой кулисой в сопровождении одного глаза и уха.

Глаз посматривает, ухо шевелится, нос снова фыркает и снова исчезает.

Это, конечно, забавно, если дано в умеренном количестве. Но большой порцией всё это – носа, зулусы и прочее – вредит цельности художественного впечатления.

[25]

Происшествие!

Маленькое, но характерное: на страницах "Самарского вестника" заговорил "один из теперешних".

Глас его вопиет ко мне и так глаголет:

Во-первых, я не поэт.

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Не спорю, да. Хламида не поэт.

Во-вторых, я неостроумен.

Совершенно верно, это не я остроумен, а "один из теперешних", особенно там, где он рекомендует мне из Хламиды превратиться в ротонду и позвать акушерку.

В-третьих, я бываю в гостинице Шемякина – одной гостинице на десять университетов, и с тайным сожалением и намеренно неверно высчитывает "теперешний", желая показаться наивной и чистой душой.

В-четвёртых, Герцен, будучи студентом, сбивал шпагой горлышки с шампанских бутылок, – больше ничего о Герцене "теперешнему" не известно.

В-пятых, Н.К.Михайловский отказался высказаться о преобладающем характере современной молодёжи, говоря, что он не знает его.

В-шестых, мундир и шпага суть одна форма и больше ничего, а теперешние студенты, нося её с удовольствием, поносят всё другое.

Из всего же этого следует, по словам "теперешнего", что студенты наших дней – ничуть не хуже всех других студентов, я же безусловно неправ и так далее, и прочее, и тому подобное.

Вообще могу сказать, – мне досталось!

Но всё-таки я с "теперешним" не согласен.

Не согласен, а почему – тому следуют пункты, которые в то же время представляют факты, и я, – вы мне, господин "теперешний", поверьте, – с глубоким огорчением напомню вам о них.

Не отличайся господа "теперешние" от прежних, общераспространённое мнение об измене "теперешних" заветам старого студенчества не имело бы места в жизни.

Молчание Н.К.Михайловского о характере "теперешних" ничуть не лестно для них, и они поступили бы умнее и тактичнее, если бы молчали об этом молчании.

Дело-то не в нём, не в молчании, а в том, что господин Михайловский тоже заговорил о моральной физиономии современной молодёжи, хотя и не высказался ни за, ни против неё.

Но другие не молчали, и букет, составленный из отзывов о студенчестве наших дней со стороны таких лиц, как Василевский-Буква, Михневич, Н.Гарин, хотя и менее Н.К.Михайловского, но всё-таки достаточно известных, – такой букет пахнет крайне нелестно для господина "теперешнего" и "иже с ним".

Есть, конечно, исключения, но в общем, в массе, студенчество, как и общество, умертвило в себе душу живу, оскудело духом, променяло идеалы на идолов, забыло все святые слова и живёт без морали, инертной жизнью людей духовно нищих.

Против этого общекультурного явления ни "одному", ни всем "теперешним" нечего сказать, – факт можно изучать, но опровергнуть его нельзя – я полагаю, хотя как человек, не читавший логику Минто и не собирающийся читать её, несмотря на рекомендацию господина "одного из теперешних"; полагая так, я, может быть, и стою вне законов логики Минто, книги, "кажется", прочитанной господином "одним из теперешних", но, очевидно, не ознакомившей его с логикой.

Да, так вот я не согласен с "одним из теперешних", и тот факт, что именно этот господин выступил на защиту студентов от моих якобы нареканий на них, поддерживает моё несогласие.

Пусть-ка господин "один из теперешних" прочтает то, что он написал, разве это достойно студента?

Где в этом писании горячий протест молодой и честной души истинного студента против моей якобы несправедливости?

Между прочим. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

Где в нём благородство и пыл юноши, встающего на защиту корпорации, с которой он духовно слит?

Пусть он вдумается в тон его писания, я знаю – ему от этого не может быть стыдно, – стыд в наше время такая редкая вещь, но я уверен – он сильно разозлится на себя за себя...

Если мы, газетные волки, вечно всеми травимые, иногда слишком зверски и резко огрызаемся, – нам это простительно.

Мы утомляемся до бешенства, и мы слишком много говорим для того, чтоб не ошибаться, а говорить меньше нам нельзя, потому что нас мало.

Но вам, – а вы один, к сожалению, из "теперешних", – вам не следует учиться у нас ошибкам нашего тона, – заметьте – только тона! – и не следует вам выходить на защиту своих товарищей таким неумытым, чумазым и неряшливым, каким вы предо мной явились.

И ваша защита ещё сильнее утверждает меня во мнении, что "теперешние" плохи.

Они плохи ещё и потому, что у них нет ясной оценки людей и их действий.

Вот, например, среди них есть один, совершивший нечто такое, о чём нельзя не только писать, но и говорить иначе, как шёпотом и с краской стыда на лице, – нечто такое, что никогда не совершалось студентами и что так грязно, так неприлично, стыдно!

Он студент и ваш товарищ – один из "теперешних".

На концерте 9 января я видел, как один из студентов ударил другого по щеке, и этот другой ответил ему на удар только несколькими напыщенными движениями своей маленькой, клоунски развинченной фигурки.

Это было в гостиниой, часов в пять утра, когда публики было уже мало.

Недавно один из студентов на Дворянской улице довёл до обморока какую-то девушку грязными предложениями.

Сколько за последнее время этих скандальчиков и скандалов творится студентами!

"Да это всегда было и совершенно в порядке вещей!.." – возразят мне.

Да? В порядке вещей?

Не верю. Не согласен.

Это всегда было – может быть.

Но я знаю студентов, и мой опыт, моё знание их повелевает мне сказать, что хотя студенты прежнего времени и дебоширили, но и в этой области они были чище "теперешних".

Ибо в каждом скандале, в котором они принимали участие, – вместе с ними были благородство и честь, и прежде поводы к скандалам были несколько иные, чем ныне.

Я, пожалуй, кончил.

Со смирением сознаюсь пред оппонентом моим – да, я и грубоват и неостроумен – это факт.

Но, почтеннейший, зачем же вы говорите мне об этом ещё грубее, не остроумнее, если вы признаете себя выше меня и этом отношении?

Зачем – о несчастный сынок скверненьких деньков – вы так плохо рекомендуете себя, – если вы о себе высокого мнения?

Не отвечайте – я знаю!

Между прочим. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Addio! (прощайте! (итал.) - Ред.)

[26]

Осуществляются мечты, хорошие мечты, которые в скором времени позволят всем нам с полным убеждением сказать:

"Деревня - вот он - рай!"

А почему - тому следуют пункты.

Во-первых, в одном из заседаний общества трезвости одним из радетелей о преуспейнии народа на почве культуры было предложено, помимо украшения деревенской жизни волшебными фонарями, устроить в деревне ещё и кегельбан.

Во-вторых, решено в принципе завести в деревне музыку - настоящую музыку.

Ознакомить мужичков с Чайковским и Бородиным, и чтобы мужичок и пахал под музыку, и молотил под неё, и о податях думал под звуки похоронного марша.

Инструментов нет - это ничего, можно и на губах изобразить.

С музыкой и пением - жизнь деревни, несомненно, пойдёт как по нотам.

И всё это тем более уместно, что, как оказывается, деревня уже пользуется услугами электричества.

Для вас это новость?

Я тоже ничего не знал до последнего дня земского собрания.

Этот отрадный факт был ведом только гласному Шулешкину, но и он хранил его до сей поры в строгой ото всех тайне.

Но наконец-то объяснил.

- Ведь в настоящее время, - спокойно доложил он товарищам, электрическое освещение устраивается даже в деревнях!

Все были поражены открытием.

Но, конечно, не могли не поверить гласному, жителю деревни, хорошо знакомому с ней.

Поверили, - потом стали завидовать ему.

- А у нас в деревнях совсем нет никакого освещения. Тьма одна, и больше ничего!

Да-с, вы видите, деревне нынче "везёт", как говорится.

Кегельбан ей хотят устроить, музыку ей дают, электрическое освещение у неё уже есть...

Теперь остаётся совсем немного дать ей для полного счастья.

А как это будет хорошо, когда она введёт у себя разные культурные штуки!

Например, телефон.

Дядя Сидор звонит к дяде Фоме.

- Эй ты, корявый чёрт, ты дома, что ли?

- Дома, а что ты орёшь?

- Я-то? Так, ничего. Лежал, лежал на печи, скучно стало...

- Ну?

Между прочим. Максим Горький gorkiyamaxim.ru

- Дай, думаю, Фомку в кабак позову.

- Да ведь денег-то нет?

- А мы мой хомут заложим! Идёт?

И при свете электрического освещения они оба дружески тащат в кабак хомут с шершавого Савраски - животного, питающегося соломой с крыши.

Видите - какая отрадная картина?

1895-1896 гг.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiyamaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!